

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

3' 2023

«Ночное-городское». Фото Анны Стрельниковой

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2023. Том 15. № 3
Interaction. Interview. Interpretation
2023. Volume 15. No. 3

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2023. Том 15. № 3

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
[Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#)

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2023
© Interaction. Interview. Interpretation, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiaraskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

- [Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru
- [Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- [Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	11
<i>Арюна Ким</i> Методологический подход к изучению отношений в сети: качественный сетевой анализ.....	11
Город, память, идентичности	31
<i>Светлана Москалева</i> Урбанистика в контексте социальных трансформаций градостроительной деятельности (2008–2021 годы).....	31
<i>Зоя Савина, Алина Ивакина, Диана Паламарчук, Александр Смаль</i> Образ городского пространства в повседневных практиках горожан (на примере Балаклавы).....	49
Полевые исследования	65
<i>Alina Ianokaeva</i> Representations of Moscow Residents about the Functions of RFID Microchips and the Risks Associated with Their Implantation.....	65
Исследовательская рефлексия	80
<i>Елизавета Солоненко</i> Полевой дневник в исследованиях сельской местности: особенности фиксации и организации данных.....	80
Визуальная социология	92
<i>Дмитрий Поликарпов, Светлана Пустовалова, Мария Сененко</i> Городские руины: визуальность социальных смыслов.....	92

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Debates	11
<i>Aryuna Kim</i> Methodological Approach to Study Relationships in Network: Qualitative Social Network Analysis	11
City, Memory, Identity	31
<i>Svetlana Moskaleva</i> Urban studies and practices in the context of Social Transformation of Urban Planning in Russia (2008-2021 years)	31
<i>Zoya Savina, Alina Ivakina, Diana Palamarchuk, Alexander Smal</i> Urban Space in the Everyday Practices of Citizens: The Case of Balaklava	49
Field Work Research	65
<i>Alina Ianokaeva</i> Representations of Moscow Residents about the Functions of RFID Microchips and the Risks Associated with Their Implantation	65
Research Reflection	80
<i>Elizaveta Solonenko</i> Field Diary in Rural Research: Features of Fixing and Organizing Data	80
Visual Sociology	92
<i>Dmitrij Polikarpov, Svetlana Pustovalova, Mariya Senenko</i> Urban Ruins: Visuality of Social Meanings	92

Письмо редактора

Примерно каждый четвертый номер журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация» посвящен городской тематике. И текущий сентябрьский номер — именно такой. На страницах свежего номера авторы рефлексируют о методах и о городе, немного полемизируя друг с другом или раскрывая разные аспекты одного и того же сюжета. При этом авторы номера — молодые исследователи, и тем интереснее наблюдать, как энтузиазм от полученного исследовательского опыта становится фундаментом для теоретических и методических озарений.

В рубрике «Теоретические дискурсы и дискуссии» Арюна Ким предлагает теоретическое обоснование качественного сетевого анализа, систематизируя различные сетевые подходы и аргументируя, что качественный сетевой анализ является отдельной методологией со своим классом решаемых задач.

Технологизация современной городской жизни приводит к появлению серьезных вызовов, связанных с переосмыслением безопасности горожан. Этот вектор анализа задает Алина Янокаева, исследуя восприятие москвичами рисков, связанных с микрочипами.

В рубрике «Город, память, идентичности» встречается макро-и микроуровень анализа социальных трансформаций городской среды и градостроительной сферы. Светлана Москалева, опираясь на интервью с профессионалами-градостроителями, предлагает посмотреть на изменения в восприятии планировочных задач, используемых методов и, в целом, на изменение урбанистического дискурса в контексте социальных трансформаций последних лет. А коллектив авторов (Зоя Савина, Алина Ивакина, Диана Паламарчук, Александр Смаль) рассуждает скорее о результатах изменившегося подхода к планированию городов, анализируя восприятие обновленного, но при этом и более коммерциализированного городского пространства Балаклавы.

Еще одно эмпирическое исследование представлено в рубрике «Визуальная социология». Дмитрий Поликарпов, Светлана Пустовалова и Мария Сененко используют дневники наблюдения в визуальном варианте, анализируя социальные смыслы городских руин и приводя множество полевых фотографий. На примере руин кинотеатра «Энтузиаст» и военного городка «Ольгино» авторы обнаружили, что различные руины имеют несовпадающий уровень востребованности среди представителей городских сообществ.

В нашей традиционной рубрике «Исследовательская рефлексия» Елизавета Солоненко также делится своим опытом использования полевого дневника, рассуждая о его расширенном функционале, который становится особенно востребованным в локальных территориальных общностях, например, в сельской местности. Речь, в частности, идет о записи в дневник содержания коротких разговоров и даже интервью, что актуально в ситуациях, когда вести

аудиозапись не представляется возможным. Также автор систематизирует особенности организации дневниковых записей.

Приглашаем к прочтению номера!

Редактор номера
Анна Стрельникова

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.1
EDN: BADYQC

Методологический подход к изучению отношений в сети: качественный сетевой анализ¹

Ссылка для цитирования:

Ким А. В. Методологический подход к изучению отношений в сети: качественный сетевой анализ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 11–30. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.1> EDN: BADYQC

For citation:

Kim A. V. (2023) Methodological Approach to Study Relationships in Network: Qualitative Social Network Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 11–30. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.1>

Ким Арюна Витальевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: avkim@hse.ru

Цель статьи — обосновать качественный сетевой анализ как отдельный методологический подход к изучению отношений в сети. В данной работе предлагается теоретическая рамка сетевого подхода, дается теоретическое основание качественного сетевого анализа, обозначены теоретические концепции, связанные с изучением глубинных смыслов отношений в сети. Определяется место качественного сетевого анализа в сетевых подходах, среди которых выделяются два подхода к разделению методологий: разделение на количественные и качественные методы и разделение на количественный, эго-сетевой и качественный сетевой анализ. Автор предлагает систематизацию сетевых подходов разных уровней, где выделяется сетевой анализ структур на макроуровне, сетевой анализ подгрупп на мезоуровне и эго-сетевой анализ, который может быть в дизайне как количественного,

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

так и качественного исследования. Обсуждаются основные задачи рассматриваемой методологии и примеры эмпирических исследований.

Ключевые слова: качественный сетевой анализ; отношения; сеть; сетевое исследование; методологические подходы

Сетевое исследование в социологии основывается на структурном подходе, в котором понятие «сеть» репрезентирует социальную реальность, где связанные между собой узлы образуют сеть взаимодействий. Сетевой анализ направлен на изучение социальных структур, где акторы и их отношения встроены в сети, а структура сети оказывает влияние на социальные взаимодействия акторов. Однако сетевые исследования могут изучать разные характеристики в сети: структуру на макроуровне, подгруппы в сети на мезоуровне, акторов и отношения на микроуровне. Сетевые исследования на микроуровне называются эго-сетевым анализом, фокус их внимания направлен на эго — самих акторов и их отношения. Эго-сетевой анализ как методологический подход изучения актора в сети обозначается своей техникой сбора и анализа данных: сеть строится вокруг эго — ключевого актора/информанта, которого подробно расспрашивают о социальном окружении, выясняют характеристики и связи между окружающими его людьми [DeJordy, Halgin, 2008]. Эго-сетевое исследование может быть выполнено как в количественной методологии (анализируются индивидуальные характеристики акторов), так и в качественной методологии (фокус направлен на глубинные смыслы отношений между акторами).

Качественный сетевой подход отражает конструирование форм отношений и восприятий их акторами. Существует разнородная практика применения качественного сетевого подхода в эмпирических исследованиях [Ким, 2021]. Однако статус качественного сетевого анализа как самостоятельного методологического подхода к изучению отношений в сети в западной литературе еще не определен. По мнению одних авторов, качественный сетевой анализ возможен как «качественное исследование новых типов сетей и стратегий сети, к которым затем можно подключить формальный сетевой анализ», то есть качественный сетевой анализ выполняется поэтапно: сначала интерпретативная часть анализа, а затем ее структурная визуализация [Hollstein, Straus, 2006]. Таким образом, качественный сетевой анализ можно представить как двухэтапную методологию, совмещающую интерпретативные возможности со структуризацией. С другой стороны, существует мнение о методологической несамостоятельности качественного сетевого анализа. Такие авторы, как Райнер Диаз-Боун, видят возможность качественной интерпретации сети не более чем в рамках смешанных методов исследования [Diaz-Bone, 2008]. По их мнению, интерпретативная составляющая качественного сетевого анализа строится на основе количественного сетевого анализа. Следовательно, проблема определения и различения качественного сетевого исследования является актуальной в настоящее время: может ли качественный подход

в сетевом анализе быть обоснован и развернут как самостоятельная методология?

В поисках ответа на данный вопрос в статье предпринята попытка описания качественного сетевого анализа как отдельного методологического подхода к изучению отношений в сети, а также определения места качественного сетевого анализа в сетевых подходах.

Теоретическая рамка сетевого подхода в социологических исследованиях

Под сетевым исследованием понимается использование сетевого подхода в исследовательском дизайне. Сетевой подход может быть определен как «комплекс теоретико-методологических направлений, использующих понятие сети для объяснения социальных явлений» [Мальцева, 2018: 4]. Сетевой подход развивается в двух исследовательских направлениях — формальном сетевом анализе, который известен как анализ социальных сетей (SNA, social network analysis), и реляционистском, или отношенческом, подходе, относящемся к реляционной социологии. Анализ социальных сетей позволяет определять взаимосвязи между единицами анализа, выявлять глубинные социальные структуры и находить закономерности взаимодействия в социальных группах [Wasserman, Faust, 1994]. Реляционистский подход, относящийся к реляционной социологии, восходит к исследованиям культуры, где социальная реальность изучается через призму социальных отношений, разворачивающихся в динамике и неотделимых от контекста.

Структурализм понимает социальные сети как паттерны связей между акторами, которые могут быть представлены в виде линий или дуг на сетевом графике или в виде единиц и нулей в сетевой матрице. Немецкий социолог Фузе, изучающий теоретическое основание сетевого анализа, писал, что «мы общаемся с людьми со схожими чертами характера, ценностями и установками (гомофилия) и с общими друзьями (транзитивность), а также с теми, у кого уже есть много связей (предпочтительное присоединение)» [Fuhse, 2021: 1]. Получается, что социальные явления изучаются с учетом структуры отношений между акторами, где первостепенную роль играют сами модели отношений или социальные сети. Другие характеристики, такие как формальные роли, культурные нормы и ценности или распределение атрибутов между участниками, рассматриваются как второстепенные. Примером формального сетевого исследования на основе структуралистского подхода может быть изучение силы межличностных, а точнее «слабых», связей в знаменитой работе Марка Грановеттера [Granovetter, 1973]. Автор доказывает, что именно слабые связи являются «мостами» (или каналами), которые могут передавать различные ресурсы, такие как информация, влияние, идеи и другие. На микроуровне сила слабых связей доказывается исследованиями трудоустройства, когда связь между человеком, сменившим работу, и лицом, предоставившим ему информацию о вакансиях во время поиска, чаще является слабой вопреки

той логике, что близкие люди более заинтересованы в помощи, чем просто знакомые. На макроуровне Грановеттер доказывает, что сообщества со слабыми связями, или связями-мостами, приводят к интеграции с другими сообществами и являются необходимым условием доступа индивида к ресурсам. В отличие от них, сообщества с сильными связями и высоким уровнем сплоченности при увеличении численности распадаются на изолированные клики, приводящие к фрагментации.

Реляционизм представляет социальную реальность как социальные отношения, где общество состоит из отношений, и видит задачу социологии в том, что она должна рассматривать отношения как онтологические и эпистемологические отправные точки [Donati, 2011]. В рамках этого направления социальная реальность понимается как отношения, развивающиеся в динамике, и как контексты, в которых они разворачиваются. Такое описание социальной реальности характерно для реляционной социологии [Emirbayer, Goodwin, 1994; Erikson, 2013], где в фокусе исследователя находятся культурные аспекты сети — сама сеть, контент отношений, контекст отношений, микроуровень анализа отношений в сети и фокус на смыслы отношений. Что касается реализации сетевого исследования с реляционистским подходом, то примером может быть этнографическое исследование бразильских активистов, включающее в себя модели политического действия и выявление стилей лидерства на основе институциональных контекстов, отношений и лидерских навыков [Mische, 2008]. В работе использовались разные способы сбора данных: анкетирование, интервью, наблюдение, анализ документов. Для анализа данных применялись смешанные методы — и формальный анализ социальных сетей, и этнографические методы. Автор выявила четыре основных модели политического действия: исследовательский диалог, дискурсивное позиционирование, рефлексивное решение проблем и тактический маневр.

Таким образом, исследование обозначается сетевым, если в нем используется концепт «сети» для выявления структурных паттернов взаимодействий в структуралистском подходе и глубинных смыслов отношений между акторами в реляционном подходе. На основе структуралистского и реляционистского подходов в сетевом исследовании применяются различные методологические подходы, а именно качественные и количественные.

Теоретические подходы к обоснованию качественного сетевого анализа

Качественный сетевой подход направлен на выявление глубинных смыслов отношений в сети [Ким, 2021]. Под глубинными смыслами отношений понимается неявная интерпретация взаимодействий индивидов, находящихся в общем сетевом пространстве. Смыслы отношений в сети как значения социальных сетей в целом изучает Ян Фузе в своей книге "Social networks of meanings", где он развивает теоретическую базу для сетевого анализа, намеренно избегая структуралистских оснований. Смыслы сетевых отношений

Фузе связывает с веберовской категорией «понимания», которая занимает интерпретирующую позицию объяснения социального явления. Фузе рассматривает ряд теоретических концепций, имеющих отношение к полю анализа социальных сетей (Табл. 1).

Таблица 1

Теоретические концепции

Теоретический подход	Ключевые авторы	Суть концепции
Прагматический и интеракционистский подходы	Мустафа Эмирбайер, Ник Кроссли, Джон Леви Мартин	— Поведение и социальные структуры имеют отношение к субъективным состояниям и процессам; — социальные отношения формируются в интенсивном взаимодействии двух субъектов лицом к лицу, что ведет к обмену символами и общности взглядов (Кроссли); — важность культуры и индивидуальной свободы действий в социальных сетях (Эмирбайер); — определение сетевых процессов с помощью позиций в сети (Мартин).
Реляционная социология Харрисона Уайта	Харрисон Уайт	— Социальные сети понимаются как смысловые структуры, которые вводятся в действие и согласовываются в процессе коммуникации; — коммуникация происходит в историях об идентичностях, при «транзакциях» между различными социокультурными контекстами, а также при использовании культурных рамок для определения отношений.
Реляционная работа	Вивиан Зелизер	— Люди договариваются и разграничивают свои личные отношения со ссылкой на такие социальные рамки, как дружба, любовь, товарищеские отношения и т.д.
«Другая» реляционная социология	Пьерпаоло Донати, Маргарет Арчер	— Социальные отношения представляют собой реальность <i>sui generis</i> , то есть общество состоит из отношений, и социология должна рассматривать отношения как онтологические и эпистемологические отправные точки; — социальные отношения определяются как «эмерджентный эффект» действий множества действующих лиц.

Теоретический подход	Ключевые авторы	Суть концепции
Акторно-сетевая теория	Бруно Латур, Мишель Каллон, Аннемари Мол, Джон Лоу	<ul style="list-style-type: none"> — Исследования в области науки и техники, где утверждается, что нужно описывать расположение человеческих субъектов и материальных объектов в терминах ассоциаций, взаимодействий между ними; — оба вида «действующих лиц» (человеческие и материальные) приобретают свое значение только в процессах, происходящих между ними; — научные открытия являются результатом действий, выполняемых этими сетями, а не отдельными субъектами.
Теория систем Никласа Лумана	Никлас Луман	<ul style="list-style-type: none"> — Коммуникация протекает самореферентно, опираясь на предыдущее общение и создавая различные виды социальных систем — от личных встреч через официальные организации (компании, университеты, административные единицы) до крупномасштабных функциональных подсистем общества, таких как политика, экономика, юриспруденция и наука; — самопроизводство (аутопоэзис) и производство ограниченных социальных образований (систем).

Для собственной концептуализации смыслов отношений в сети Фузе концентрируется на реляционной социологии Уайта [White, 2008] и теории систем Лумана, задавая ключевые категории в качестве символических конструкций к пониманию глубинных смыслов отношений в сети. Первая ключевая категория — это сами *смыслы отношений*, понимающиеся как совокупность ожиданий относительно поведения индивидов по отношению друг к другу. Эти ожидания в отношениях управляют ходом коммуникации и связаны с другими формами смыслов отношений: идентичностями, социальными ролями (например, гендер), институционализированными ролями (профессор/студент) и культурными моделями отношений (любовь, дружба, покровительство). Все это предписывает определенные виды отношений в сети, и они стабилизируются, если коммуникация в них соответствует этим социальным категориям, ролям или культурным моделям [Fuhse, 2021].

Другой важной категорией для концептуализации социальных сетей является понятие *коммуникативных событий*. Социальные отношения существуют как готовые конструкции, поскольку они формируются и воспроизводятся в ходе

событий. Такие события в реляционной социологии называются «транзакциями». Опираясь на теорию Никласа Лумана, Фузе констатирует, что социальные сети определены как паттерны *реляционных ожиданий* (реляционных определений ситуации), которые возникают, стабилизируются и изменяются в ходе *коммуникативных событий*. Процесс коммуникации влечет за собой приписывание событий индивидам, что приводит к конструированию ожиданий относительно их поведения со стороны других. Такие коммуникативно сконструированные ожидания отношений составляют смысловую структуру социальных сетей и обеспечивают наблюдаемые закономерности коммуникации.

Ключевым процессом всего социального является *коммуникация*, которая определяется как обработка смысла в коммуникативных событиях. *Коммуникативные события* основаны на речевых и неречевых формах взаимодействия. К особенно важным коммуникативным событиям относят неречевые, например, жесты, мимику, рукопожатия, объятия, поцелуи и т.д. Таким образом, многие взаимодействия обозначаются как коммуникативные события, если они передают информацию и связывают действующих лиц. *Коммуникативные события* оставляют след в социальном мире не благодаря намерениям, знаниям или другому субъективному значению действующих лиц, а благодаря тому, что их понимают и реагируют на них.

Концентрируясь на интерпретативном понимании социальных сетей, Фузе определяет основание смыслов отношений в сети в коммуникационных событиях (или транзакциях), влияющих на процесс коммуникации как основного процесса всего социального (Рис. 1). Смыслы отношений конструируются за счет множества транзакций, исходя из чего формируются реляционные ожидания относительно хода коммуникации и возможного прогноза следующих транзакций.

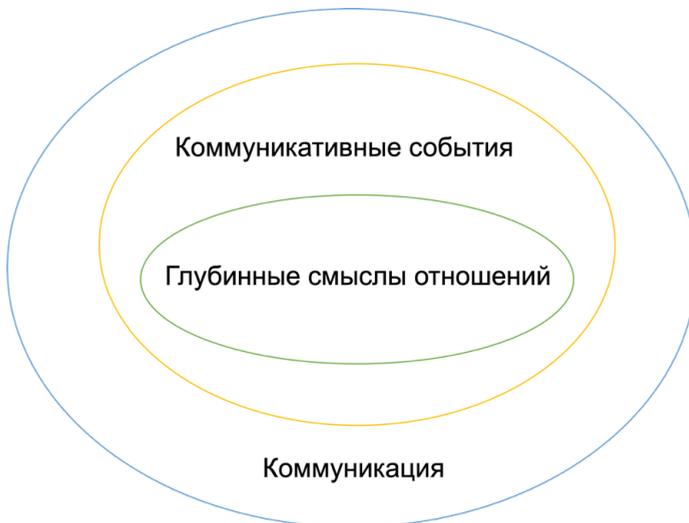

Рисунок 1. Аналитическая схема понимания социальных сетей как глубинных смыслов отношений по Фузе.

Источник: схема, построенная автором.

На мой взгляд, в аналитическую схему может быть добавлен категорийный компонент *контекста* отношений, способный обобщать исходную коммуникацию в единую форму. В свою очередь, рефлексивные индивиды обозначают смыслы отношений исходя из *контекста* этих отношений, заданных на основе коммуникационных событий и реляционных ожиданий. Также немаловажный элемент выявления глубинных смыслов отношений — *рефлексивность* актора. *Рефлексивность* понимается как способность индивида осознавать социальные отношения, наделять их эмоциями, личными историями и обобщать в сконструированный паттерн. Можно предложить дополнить аналитическую схему понятием *социальной структуры* в понимании Гидденса в теории структуризации, где *социальная структура* поддерживается через действие актора, а действие приобретает смысл только в контексте структуры [Giddens, 1984]. *Рефлексирующий актор* своими действиями формирует и воспроизводит *социальную структуру*, а также он способен изменить структуру, поэтому *социальная структура и отношения* в ней изучаются в динамике. Отношения между акторами рассматриваются согласно структурирующим принципам Гидденса — сигнификации, легитимации и власти, то есть между акторами всегда формируется иерархия [Giddens, 1984]. Аналитическая схема изучения глубинных смыслов отношений, дополненная вышеупомянутыми терминами, изображена на Рисунке 2.

Рисунок 2. Дополненная аналитическая схема изучения глубинных смыслов отношений.

Источник: схема, построенная автором.

Глубинные смыслы отношений — предмет качественного сетевого анализа — обозначены как неявные конструкции понимания сути отношений между акторами в сети. Осознание этих глубинных смыслов возможно в связи с рефлексивностью актора, его анализом предыдущих коммуникативных событий

или транзакций и отношений в целом. По Гидденсу социальная структура воспроизводится в действиях рефлексивного актора, как и сам актор воспроизводит действия согласно социальной структуре. Такое взаимодействие отражено и в теории систем Лумана, где происходит самопроизводство, или аутопоэзис, систем. Коммуникативные события, или транзакции, накапливаются в контексте отношений, исходя из которого рефлексивный актор понимает смыслы отношений в сети. Контексты и коммуникативные события согласуются с социальной структурой, так как актор воспроизводит свои взаимодействия, или транзакции, согласно принципам, заданными социальной структурой. В последнем слое аналитической схемы обозначена связь коммуникации и отношений, где показано влияние коммуникации между акторами на установку отношений между ними. Однако, погружаясь внутрь формирования отношений, выявляется связь между коммуникативными событиями и социальной структурой через рефлексивность актора.

Место качественного сетевого анализа в сетевых методологических подходах

Данный раздел посвящен поиску места качественного сетевого анализа в методологических подходах в сетевых исследованиях. Структурирование методов в сетевых исследованиях возможно через классическое социологическое разделение на количественные и качественные методы анализа данных, также посредством альтернативного сетевого разделения на количественные методы, качественные методы и эго-сетевой анализ, предложенное Фузе и Мютцель [Fuhse, Mützel, 2011]. В социологии разделение на количественные и качественные методы является одним из основополагающих методологических принципов. Количественные методы предполагают использование статистического категориального аппарата и направлены на поиск взаимосвязей между переменными, выявление причинно-следственных зависимостей и другие способы объективного объяснения социальной реальности на макроуровне. Качественные методы предлагают интерпретативный подход к объяснению социальной реальности и направлены на понимание социальных феноменов на микроуровне. Количественный сетевой анализ (или формальный сетевой анализ) подразумевает структурный подход к изучению социальной реальности через поиск взаимодействий акторов в общей сети. Качественный сетевой анализ направлен на выявление смыслов отношений акторов в сети взаимодействий.

Другой способ разделения методологических подходов в сетевом исследовании предложен в статье Фузе и Мютцель [Fuhse, Mützel, 2011], в котором сравниваются количественный, эго-сетевой и качественный подходы в сетевом исследовании. Эго-сетевой подход понимается как исследование сети с точки зрения конкретного актора или эго. В то же время авторы не обозначают эго-сетевой подход и качественный сетевой подход как отдельные методологические подходы. Эго-сетевой анализ представлен как статистический анализ

эгоцентричных сетей, а качественный сетевой анализ подан обобщенно как качественные методы.

Исходя из разделения Фузе и Мютцель [Fuhse, Mützel, 2011], сетевой анализ как изначально анализ структур является доминирующим в сетевых исследованиях. Помимо формального количественного сетевого анализа, есть подгруппа эго-сетевого анализа, внутри которого находится блок качественных сетевых исследований, что составляет «русскую матрешку» (Рис. 3). На основе теоретических оснований сетевого подхода в социологии можно выделить классические работы в сетевом анализе, которые можно отнести в целом ко всем сетевым исследованиям — это «библия» сетевого анализа Вассермана и Фауст [Wasserman, Faust, 1994], работы Грановеттера [Granovetter, 1973], Фримана [Freeman, 2004], Эмирбайера и Гудвина [Emirbayer, Goodwin, 1994]. К теоретическим основаниям эго-сетевого подхода авторы относят исследования сообществ [Warner, 1941; Wellman, 2005; Wellman, 2018] и исследования социального капитала [Granovetter, 1985; Coleman, 1988; Burt, 1997; Portes, 1998; Portes, 2000]. По мнению авторов, качественный подход в сетевом исследовании ссылается на классические социологические труды Зиммеля, Вебера, Элиаса [Elias, 1978] и Мида [Mead, 1967], а также интеракционистский подход к структуре [Fine, Kleinman, 1983], реляционную социологию Уайта и акторно-сетевую теорию.

Рисунок 3. Методологические подходы в сетевом исследовании по Фузе и Мютцель.

Источник: схема, построенная автором.

Сравнение методологических подходов в сетевом исследовании приведено в Таблице 2. Предметом количественного сетевого анализа являются глубинные структуры в сети [Мальцева, 2014]. В эго-сетевом анализе изучается позиция актора в сети. К предмету качественного сетевого анализа можно отнести глубинные смыслы отношений в сети и контексты их взаимодействия

[Ким, 2021]. На уровне объекта, в рамках количественного подхода в сетевом исследовании изучаются полные сети взаимодействий. Однако изучение эго-сетей, или персональных сетей, происходит посредством количественных методов. В качественном и эго-сетевом подходах на уровне объекта исследования рассматриваются только персональные сети взаимодействия. Количественный сетевой анализ стремится объяснить макросоциальные аспекты социальных явлений, структурируя взаимодействия индивидов. Качественный сетевой анализ можно обозначить как синтез структурного и интерпретативного подходов к социологическому объяснению [Девятко, 1998], поскольку в нем присутствуют структуралистские объяснения социальных явлений исходя из взаимодействий и отношений, а также субъективные интерпретации сетей взаимодействий. Для количественного сетевого подхода уровнем анализа является макроуровень, в котором рассматривается «взгляд сверху» на целостную полную структуру сети. Эго-сетевой анализ изучает сеть на микроуровне, как и в качественном сетевом подходе, однако предлагает сбор и анализ данных в том же виде, как и количественный сетевой подход, где данные могут собираться как количественным, так и качественным способом и осуществляется количественный анализ данных. Тогда как в качественном сетевом подходе используется только качественный способ сбора данных и используется только качественный способ анализа данных.

Таблица 2

Сравнение методологических подходов в сетевом исследовании

Основания для сравнения	Количественный сетевой подход	Качественный сетевой подход	Эго-сетевой анализ
Предмет	Глубинные социальные структуры	Глубинные смыслы отношений	Позиция актора в сети
Объект	Сеть, эго-сеть (персональная сеть)	Эго-сеть (персональная сеть)	Эго-сеть (персональная сеть)
Теоретическое основание	Связь с реляционной социологией	Связь с теорией социального капитала	Связь с реляционной социологией, с теорией социального капитала, акторно-сетевой теорией
Модель объяснения	Структурализм	Синтез структурализма и интерпретативизма	Структурализм
Уровень анализа	Макроуровень	Микроуровень	Микроуровень
Сбор данных	Количественный, качественный	Качественный	Количественный, качественный
Анализ данных	Количественный	Качественный	Количественный

Углубляясь в предмет исследования, Фузе и Мютцель [Fuhse, Mützel, 2011] раскрывают особенности методологических подходов, разделяя глубинные социальные структуры количественного сетевого анализа и структуру эго-сети в эго-сетевом анализе и качественном сетевом анализе. В социологических исследованиях разделение на качественные и количественные методы подразумевает обособленные типы исследований, в каждом из которых свои предметы исследований и теоретические основания. В количественном исследовании изучаются объективные показатели, которые поддаются измерению, тогда как в качественном исследовании рассматриваются неизмеримые субъективные свойства, в которых исследователь выявляет смысл. Применяя данное разделение к сетевым исследованиям, можно сказать, что они различаются по объекту исследования: в количественных сетевых исследованиях изучаются разные виды сетей, тогда как в качественном сетевом исследовании рассматриваются только эго-сети, или персональные сети. Получается, что социологическое разделение на количественные и качественные методы является более общим, тогда как разделение на количественный, эго-сетевой и качественный сетевой анализ включает особенности разных исследовательских направлений и дизайнов, поскольку с точки зрения предмета в сетевых исследованиях в социологии количественный анализ подразумевает выявление структуры сети, а в качественном сетевом исследовании фокус делается на смыслы отношений и их контексты.

Исходя из анализа существующих методологических подходов в сетевых исследованиях, можно предложить свою систематизацию методологических сетевых подходов. На Рисунке 4 изображена схема методологических подходов в сетевых исследованиях, которые направлены на предметы разных уровней: на макроуровне изучаются сетевые структуры, на мезоуровне сетевые исследования направлены на изучение подгрупп в сети, и на микроуровне проводится эго-сетевой анализ. Эго-сетевой анализ, в свою очередь, возможен в виде количественного сетевого анализа, где фокус исследования ставится на атрибутах актора, а также в виде качественного сетевого анализа с возможностью фокусироваться на глубинных смыслах отношений в сети.

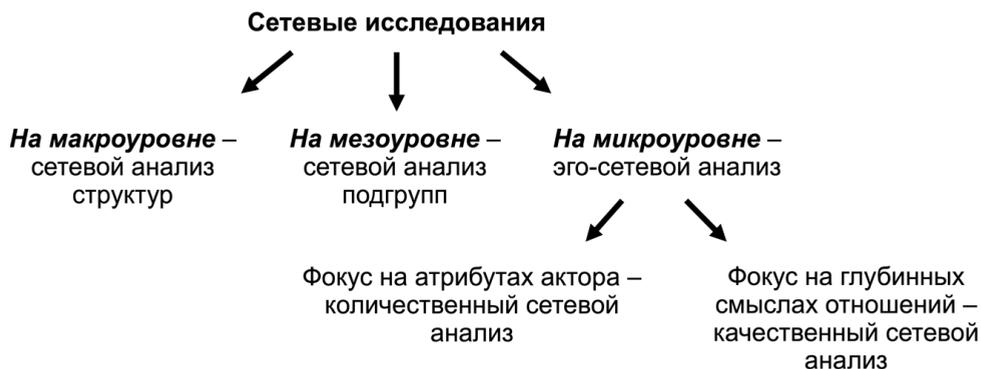

Рисунок 4. Методологические подходы в сетевом исследовании.
 Источник: схема, построенная автором.

Качественный сетевой анализ: определение, основные задачи и примеры практического применения

Качественные методы присутствовали в сетевых исследованиях на этапах сбора и первичного анализа данных [Mische, 2008]. Изначально сетевые социальные исследователи не разграничивали методы на качественные и количественные, утверждая, что в сетевой перспективе такое разграничение лишено смысла, поскольку сбор данных мог осуществляться любым способом [Мальцева, Романовский, 2011: 32]. Однако в поле сетевых исследований все больше применялись алгоритмизированные, математические методы, в которых качественный способ анализа данных не применялся. Согласно статьям, проиндексированным в Web of Science, объединяясь с количественными, качественные методы начинали использоваться в сетевых исследованиях в начале 2000-х, постепенно набирая популярность [Ким, 2021; Kim, Maltseva, 2023]. Сегодня авторы используют разную терминологию для методологического подхода анализа отношений в сети, такие как качественный сетевой анализ, эго-сетевой анализ, качественный подход в эго-сетевом анализе и др. Однако, на мой взгляд, все названия отражают один и тот же подход к изучению отношений в сети при помощи качественных интерпретативных методов.

Бетина Хольштайн относит качественный сетевой анализ к интерпретативному подходу, который рассматривает социальную реальность как сконструированные, осмысленные и отсылающие к контексту действия, зависящие от точки зрения актора и развивающиеся в динамике [Hollstein, 2011]. Я же считаю, что качественный сетевой анализ можно отнести к синтезу структурализма и интерпретативизма, поскольку в нем есть признаки как интерпретативной версии социальной реальности, так и ее структурного компонента [Девятко, 1998]. Объектом качественного сетевого анализа являются эго-сети, или персональные сети, предметом — глубинные смыслы отношений в сети [Ким, 2021]. Глубинность смыслов отношений понимается как суть и восприятие взаимодействий, не лежащих на поверхности, а проявляющихся в глубине. Целью качественного сетевого анализа является выявление глубинных смыслов отношений в сети [Ким, 2021].

На основе выявленных возможностей качественного сетевого анализа в статье Ким и областей исследования Хольштайн [Hollstein, 2011] можно выделить ключевые задачи качественного сетевого анализа:

- выявлять смыслы отношений в сетях;
- исследовать и описывать контекст взаимоотношений в сетях;
- изучать сетевые практики;
- изучать сетевые ориентации и интерпретации;
- определять важность общей сети, некоторых кластеров и конкретных узлов;
- анализировать временные взаимосвязи в сетях и общую динамику сети;
- фокусироваться на действиях и стратегиях участников для создания сети;
- получать доступ к труднодоступным сообществам.

Качественные методы сбора и анализа данных используются в сетевых исследованиях в дизайне смешанных методов. Дополняя количественный сетевой анализ качественным сетевым анализом, сетевые метрики подчеркиваются «историей» сети: «История, которая делает сеть понятной по-другому, не через математические аспекты CA, но полностью дополняя математику» [Crossley, 2010: 2]. Примером использования методов этнографического наблюдения и сетевого анализа является исследование молодежного движения в Бразилии [Mische, 2008]. Используя этнографическое наблюдение, получилось собрать сети по различным параметрам (сети студентов, организаций, НКО и др.). Однако автор стремилась построить не только структуру социальных взаимодействий, но также выяснить, «каким образом индивидуумы и их группы в целом интерпретируют данные сети и реагируют на возможности и ограничения, связанные с их позициями в сети» [Mische, 2008: 9].

В недавнем исследовании социального капитала мигрантов Елена Зоммер и Маркус Гампер используют смешанные методы исследования, включая полуструктурированные интервью и стандартизированный сбор данных сетевых карт [Sommer, Gamper, 2020]. Данные для исследования были собраны с помощью 62 интервью с самозанятыми (или бывшими самозанятыми) мигрантами из бывшего Советского Союза в Германии. На основе интервью и сетевых карт исследователи выделяют четыре типа транснациональных исследовательских активностей, где предприниматели использовали разные типы социального капитала для развития своего бизнеса. Качественный сетевой подход позволил объединить личностные и структурные измерения, изучить природу социальных отношений, в том числе с точки зрения динамики и временных изменений [Sommer, Gamper, 2020: 2].

Отечественным примером качественного сетевого исследования может быть диссертационная работа Оксаны Михайловой о возможности применения эго-сетевого анализа для изучения межиндивидуального распространения моральной паники на примере ожирения [Михайлова, 2022]. На основе собранных интервью и дневников были применены смешанные методы, в том числе эго-сетевой анализ: посредством классификации сетей участниц были выделены типы распространения легенд (качественная часть), для каждой эго-сети были описаны такие базовые параметры, как размер, структура и композиция (количественная часть). Но в целом исследований в парадигме качественного сетевого анализа довольно мало по сравнению с количественным сетевым анализом.

Таким образом, качественный сетевой анализ можно определить как метод, выявляющий глубинные смыслы отношений в персональных сетях взаимодействий. К аргументам обоснования данного методологического подхода можно отнести: заданные задачи качественного сетевого анализа на основе разнородной практики его применения, выделенные преимущества сочетания качественного и количественного сетевых подходов, описанные примеры использования качественного сетевого анализа в зарубежных и отечественных исследованиях.

Заключение

Сетевой подход в социологии может быть обозначен как отдельный исследовательский подход, в котором изучаются узлы и взаимодействия между ними. На макроуровне могут изучаться глубинные структуры сети, на мезоуровне — подгруппы сети, тогда как на микроуровне изучаются эго-сети. Эго-сетевой анализ направлен на выявление влияния атрибутов акторов на взаимодействие в сети количественными методами, а также на поиск глубинных смыслов отношений в сети качественными методами. Данная статья направлена на обозначение места качественного сетевого анализа, его теоретическое основание и описание данной методологии как обособленного подхода к изучению отношений в сети. Качественный сетевой анализ определяется как методологический подход, выявляющий глубинные смыслы отношений в персональных сетях взаимодействий. Объектом выступают персональные сети, или эго-сети, предметом являются глубинные смыслы отношений в сети.

Теоретическая рамка сетевого подхода в социологии рассмотрена с точки зрения двух подходов: структурализм и реляционизм. Что касается теоретических оснований качественного сетевого анализа как методологического подхода к изучению смыслов отношений, то можно выделить несколько теоретических концепций, обозначенных в работе Фузе [Fuhse, 2021]: прагматический и интеракционистский подходы (Эмимбайер, Кроссли, Леви Мартин), реляционная социология Уайта, реляционная работа Зелизер, «другая» реляционная социология (Донати, Арчер), акторно-сетевая теория и теория систем Лумана. Приведена концептуализация Фузе о смыслах социальных сетей на основе реляционной социологии Харрисона Уайта и теории систем Никласа Лумана, где определяется основание смыслов отношений в сети в коммуникационных событиях, влияющих на коммуникацию между акторами. В свою очередь, я добавляю в концептуализацию Фузе понятие контекста отношений, которые формируются на основе коммуникационных событий, а также предлагаю включить в аналитическую схему теорию структуризации Гидденса, в том числе понятие рефлексирующего актора, который способен понять и объяснить смыслы отношений. Социальная структура изменяется и воспроизводится благодаря взаимодействиям актора, поэтому социальная структура и отношения могут рассматриваться в динамике. Отношения между акторами можно анализировать согласно структурирующим принципам: акторы определяют свои отношения, выделяют контексты и обозначают контент этих отношений (сигнификация), далее эти отношения согласуются с реляционными ожиданиями и оценками (поддаваясь легитимации), и образуется неявная иерархия во взаимодействиях и их смыслах (власть). Приведенная концептуализация смыслов отношений в сети позволяет анализировать отношения в сети согласно структурирующим принципам Гидденса, фокусироваться на реляционных ожиданиях и оценках актора, а также обозначать изменения отношений в динамике. Качественный сетевой анализ

как аналитический инструмент позволяет изучить сеть «изнутри», раскрывая глубинные смыслы взаимодействий.

Качественный сетевой анализ рассмотрен в различных систематизациях сетевых исследований. В социологической систематизации с разделением на количественные и качественные сетевые методы основанием для разделения является объект исследования: в количественных исследованиях изучается сеть, тогда как в качественных — эго-сеть. В сетевой систематизации Фузе и Мютцель [Fuhse, Mützel, 2011] выделяются три методологических подхода: количественный, или формальный, сетевой анализ, эго-сетевой анализ и качественные методы. Данная систематизация различается по предмету исследования: количественный сетевой анализ изучает структуры сети, эго-сетевой анализ направлен на изучение акторов в сети, а качественный сетевой анализ рассматривает смыслы отношений в сети. Предложенная мною систематизация сетевых исследований на основе уровней анализа, где на макроуровне изучаются сетевые структуры, на мезоуровне рассматриваются подгруппы сети, а на микроуровне анализируются эго-сети, раскрывает потенциал и фокус каждого методологического подхода. На микроуровне эго-сети возможно рассматривать в количественной и в качественной методологии, тогда количественный анализ будет направлен на изучение атрибутов актора, а качественный — глубинных смыслов отношений. Данную систематизацию можно дополнять различными техниками для выявления структур (например, блокмоделлинг, поиск сообществ) и подгрупп (например, подход островов). Разделение на уровне анализа позволяет определять, на каком аспекте сети фокусируется исследователь.

Литература

Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Е.: Издательство Уральского университета, 1998.

Ким А. В. Качественный сетевой анализ в стратегии смешивания методов в социальных науках: систематический обзор литературы // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2021. Т. 2. № 53. С. 83–116. DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2021.53.3> EDN: XJRIYF

Мальцева Д. В., Романовский Н. В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 28–37. EDN: ODSAIL

Мальцева Д. В. Реляционная социология: новый этап в развитии анализа социальных сетей или самостоятельное направление? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.01> EDN: SNIHXF

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518040013> EDN: XNBKHB

Михайлова О. Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники (на примере ожирения): Дис. ... канд. соц. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2022.

Burt R. S. A Note on Social Capital and Network Content // Social Networks. 1997. Vol. 19. № 4. P. 355–373. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-8733\(97\)00003-8](https://doi.org/10.1016/S0378-8733(97)00003-8)

Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120. DOI: <https://doi.org/10.1086/228943>

- Crossley N. The Social World of the Network. Combining Qualitative and Quantitative Elements in Social Network Analysis // Sociologica. 2010. № 1. P. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.2383/32049>
- DeJordy R., Halgin D. Introduction to Ego Network Analysis. Boston: Boston College and the Winston Center for Leadership & Ethics. 2008.
- Diaz-Bone R. Gibt es Eine Qualitative Netzwerkanalyse? // Does Qualitative Network Analysis Exist?. 2008. № 4. P. 311–343.
- Donati P. Relational Sociology: A New Paradigm for the Social Sciences. New York: Routledge, 2011. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203860281>
- Elias N. What is Sociology. New York: Columbia University Press, 1978.
- Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 99. № 6. P. 1411–1454. EDN: BTLYCR
- Erikson E. Formalist and Relationalist Theory in Social Network Analysis // Sociological Theory. 2013. Vol. 31. № 3. P. 219–242. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275113501998>
- Fine G. A., Kleinman S. Network and Meaning: An Interactionist Approach to Structure // Symbolic Interaction. 1983. Vol. 6. № 1. P. 97–110. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.1983.6.1.97>
- Freeman L. The Development of Social Network Analysis: a Study in the Sociology of Science. Vancouver: Empirical Press, 2004. P. 159–167.
- Fuhse J. Social Networks of Meaning and Communication. Oxford: Oxford University Press, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190275433.001.0001>
- Fuhse J., Mützel S. Tackling Connections, Structure, and Meaning in Networks: Quantitative and Qualitative Methods in Sociological Network Research // Quality & Quantity. 2011. Vol. 45. № 5. P. 1067–1089. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-011-9492-3>
- Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380. DOI: <https://doi.org/10.1086/225469>
- Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. № 3. P. 481–510. DOI: <https://doi.org/10.1086/228311>
- Giddens A. Elements of the Theory of Structuration. London, New York: Routledge, 1984.
- Hollstein B. Qualitative Approach // The SAGE Handbook of Social Network Analysis. Los Angeles: SAGE, 2011. P. 404–416. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446294413.n27>
- Hollstein B., Straus F. Qualitative Netzwerkanalyse: Konzepte, Methoden, Anwendungen. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2007.
- Kim A., Maltseva D. Qualitative Social Network Analysis: Studying the Field Through the Bibliographic Approach // Quality and Quantity. 2023. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11135-023-01651-6>
- Mead G. H., Morris C. W. Mind, Self & Society from the Stand-Point of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1967. DOI: <https://doi.org/10.1075/Z.184.19MEA>
- Mische A. Culture, Networks, and Interaction in Social Movement Publics // Simposio de Berlín. Marzo. 2008. Vol. 20. P. 1–6.
- Portes A. The Two Meanings of Social Capital // Sociological Forum. 2000. Vol. 15. № 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1007537902813>
- Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. № 1. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1>
- Sommer E., Gamper M. Beyond Structural Determinism: Advantages and Challenges of Qualitative Social Network Analysis for Studying Social Capital of Migrants // Global Networks. 2020. Vol. 21. № 3. P. 608–625. DOI: <https://doi.org/10.1111/glob.12302>
- Warner W. L. Social Anthropology and the Modern Community // American Journal of Sociology. 1941. Vol. 46. № 6. P. 785–796. DOI: <https://doi.org/10.1086/218793>
- Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Wellman B. Community: from Neighborhood to Network // Communications of the ACM. 2005. Vol. 48. № 10. P. 53–55. DOI: <https://doi.org/10.1145/1089107.1089137>

Wellman B. The Network Community: An Introduction // Networks in the Global Vollage. New York: Routledge, 2018. P. 1–47. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429498718>

White H. C. Identity and Control: How Social Formations Emerge. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2008.

Сведения об авторе:

Ким Аруна Витальевна — магистр социологии, младший научный сотрудник международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** avkim@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1061868; **ORCID ID:** 0000-0002-3119-1087; **ResearcherID:** AAR-7559-2020.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

БАК: 5.4.1

.....

Methodological Approach to Study Relationships in Network: Qualitative Social Network Analysis

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.1

Aryuna V. Kim

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: avkim@hse.ru

The purpose of this article is to substantiate qualitative network analysis as a separate methodological approach to the study of relationships in the network. In this paper, I define the theoretical framework of the network approach as a whole, then I give a theoretical basis for qualitative network analysis. I designate theoretical concepts related to the study of the deep meanings of relationships in the network. The place of qualitative network analysis in network approaches is determined, among which two approaches to the division of methodologies are distinguished: the division into quantitative and qualitative methods and the division into quantitative, ego-network and qualitative network analysis. Next, I propose a systematization of network approaches at different levels, where network analysis of structures at the macro level, network analysis of subgroups at the meso level and ego-network analysis are distinguished, which can be both in the design of quantitative and qualitative research. The definition of qualitative network analysis is given, the main tasks of this methodology and examples of empirical research are proposed.

Keywords: qualitative social network analysis; relationships; network; social network research; methodological approaches

References

Burt R. S. (1997) A Note on Social Capital and Network Content. *Social Networks*. Vol. 19. No. 4. P. 355–373. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-8733\(97\)00003-8](https://doi.org/10.1016/S0378-8733(97)00003-8)

- Coleman J.S. (1998) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. P. 95–120. DOI: <https://doi.org/10.1086/228943>
- Crossley N. (2010) The Social World of the Network. Combining Qualitative and Quantitative Elements in Social Network Analysis. *Sociologica*. No.1. P. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.2383/32049>
- DeJordy R., Halgin D. (2008) *Introduction to Ego Network Analysis*. Boston: Boston College and the Winston Center for Leadership & Ethics.
- Deviatko I.F. (1998) *Metody sosiologicheskogo issledovaniya* [Methods of Sociological Research]. Ekaterinburg: Isdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.)
- Diaz-Bone R. (2008) Gibt es Eine Qualitative Netzwerkanalyse?. *Does Qualitative Network Analysis Exist?* No. 4. P. 311–343.
- Donati P. (2011) *Relational Sociology: A New Paradigm for the Social Sciences*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203860281>
- Elias N. *What is Sociology*. New York: Columbia University Press, 1978.
- Emirbayer M., Goodwin J. (1994) Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency. *American Journal of Sociology*. Vol. 99. No. 6. P. 1411–1454. DOI: 10.1086/230450
- Erikson E. (2013) Formalist and Relationalist Theory in Social Network Analysis. *Sociological Theory*. Vol. 31. No. 3. P. 219–242. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275113501998>
- Fine G.A., Kleinman S. (1983) Network and Meaning: An Interactionist Approach to Structure. *Symbolic Interaction*. Vol. 6. No. 1. P. 97–110. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.1983.6.1.97>
- Freeman L. (2004) *The Development of Social Network Analysis: A Study in the Sociology of Science*. Vancouver: Empirical Press. P. 159–167.
- Fuhse J. (2021) *Social Networks of Meaning and Communication*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190275433.001.0001>
- Fuhse J., Mützel S. (2011) Tackling Connections, Structure, and Meaning in Networks: Quantitative and Qualitative Methods in Sociological Network Research. *Quality & Quantity*. Vol. 45. No. 5. P. 1067–1089. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-011-9492-3>
- Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380. DOI: <https://doi.org/10.1086/225469>
- Granovetter M. (1985) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. Vol. 91. No. 3. P. 481–510. DOI: <https://doi.org/10.1086/228311>
- Giddens A. (1984) *Elements of the Theory of Structuration*. London, New York: Routledge.
- Hollstein B. (2011) Qualitative Approached. In: *The SAGE Handbook of Social Network Analysis*. Los Angeles: SAGE. P. 404–416. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446294413.n27>
- Hollstein B., Straus F. (2007) *Qualitative Netzwerkanalyse: Konzepte, Methoden, Anwendungen*. Wiesbaden: Springer-Verlag.
- Kim A.V. (2021) Kachestvennyy setevoi analiz v strategii smeshivaniya metodov v sotsialnykh naukakh: sistematicheskyy obzor literatury [Qualitative Network Analysis in the Strategy of Mixing Methods in Social Science: A Systematic Literature Review]. *Sosiologia: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. Vol. 2 No. 53. P. 83–116. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/4m.2021.53.3>
- Kim A., Maltseva D. (2023) Qualitative Social Network Analysis: Studying the Field Through the Bibliographic Approach. *Quality and Quantity*. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11135-023-01651-6>
- Maltseva D.V. (2014) Relatsionnaya sosiologia: novi etap v razvitiy analiza sotsialnykh setei ili samostoyatelnoye napravleniye? [Relational Sociology: New Era in the Analysis on Social Networks, or an Independent Trend?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnie peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4. P. 3–14. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.01>
- Maltseva D.V. (2018) Setevoi podhod kak fenomen sosiologicheskoy teorii [Network Approach as Phenomenon in Sociological Theory]. *Sosiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 3–14. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518040013>

Mead G. H., Morris C. W. (1967) *Mind, Self & Society from the Stand-Point of a Social Behaviorist*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.1075/Z.184.19MEA>

Mikhailova O. R. (2022) *Vozmozhnosity primeneniya ego-setevogo analiza dlya izucheniya rasprostraneniya moralnoy panili (na primere ozhireniya)* [The Perspectives of Ego-network Analysis for Investigating Dissemination of Moral Panic (the Case of Obesity)]. Dis. kand. nauk. Moscow: NIU VShE (In Russ.)

Mische A. (2008) Culture, Networks, and Interaction in Social Movement Publics. *Simposio de Berlín. Marzo*. Vol. 20. P. 1–6.

Portes A. (2000) The Two Meanings of Social Capital. *Sociological Forum*. Vol. 15. No. 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1007537902813>

Portes A. (1998) Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. No. 1. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1>

Sommer E., Gamper M. (2020) Beyond Structural Determinism: Advantages and Challenges of Qualitative Social Network Analysis for Studying Social Capital of Migrants. *Global Networks*. Vol. 21. No. 3. P. 608–625. DOI: <https://doi.org/10.1111/glob.12302>

Warner W. L. (1941) Social Anthropology and the Modern Community. *American Journal of Sociology*. Vol. 46. No. 6. P. 785–796. DOI: <https://doi.org/10.1086/218793>

Wasserman S., Faust K. (1994) *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wellman B. (2005) Community: from Neighborhood to Network. *Communications of the ACM*. Vol. 48. No. 10. P. 53–55. DOI: <https://doi.org/10.1145/1089107.1089137>

Wellman B. (2018) The Network Community: An Introduction. In: *Networks in the Global Vantage*. New York: Routledge. P. 1–47. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429498718>

White H. C. (2008) *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Author Bio:

Aryuna V. Kim — MA in Sociology, Junior Researcher, International Laboratory for Applied Network Research, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** avkim@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1061868; **ORCID ID:** 0000-0002-3119-1087; **ResearcherID:** AAR-7559-2020.

Received: 13.06.2023

Accepted: 10.09.2023

Город, память, идентичности

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.2
EDN: CPHWOC

Урбанистика в контексте социальных трансформаций градостроительной деятельности (2008–2021 годы)

Ссылка для цитирования:

Москалева С. М. Урбанистика в контексте социальных трансформаций градостроительной деятельности (2008–2021 годы) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 31–48. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2> EDN: CPHWOC

For citation:

Moskaleva S. M. (2023) Urban studies and practices in the context of Social Transformation of Urban Planning in Russia (2008–2021 years). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 31–48. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2>

Москалева Светлана Михайловна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: smmoskaleva@gmail.com

Градостроительная деятельность (далее — ГД) представляет особый интерес для социологического анализа. Результатами деятельности архитекторов и градостроителей, согласно М. С. Ларсон, становятся не только материальные, но и культурные, поведенческие, ценностные образцы. В последнее десятилетие профессионалы, городские управленцы, девелоперы столкнулись с новыми вызовами, связанными с улучшением качества городской среды. Запрос на новые подходы в области реновации городских пространств был сформулирован как со стороны профессионалов, представителей гражданских, экспертных сообществ и низовых инициативных групп, так и со стороны городских управленцев (например, в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды»).

В фокусе данной статьи находятся новые идеи и дискурсы, которые появились в сфере градостроительства в 2008–2021 годах и связаны с урбанистикой в профессиональной и общественной дискуссиях. Предлагается их рассмотрение на материалах экспертных интервью с профессионалами, имеющими прикладной опыт в сфере градостроительства. Ключевые аспекты трансформации ГД, выявленные в ходе анализа, включают: 1) маркетинговую

ГД, 2) формирование индивидуалистического дискурса, 3) формирование терапевтического дискурса, 4) коммуникативный поворот в ГД, который показан на примере появления новых методов и методик (соучаствующего проектирования и других, направленных на учет мнений жителей в ходе градостроительного процесса), а также появления новых акторов (блогеров и урбанистов) в урбанистических дискуссиях и проектах.

Ключевые слова: урбанистика; градостроительство; конструктивистский институционализм; анализ дискурсов

Уже не первое десятилетие российские профессионалы, городские управленцы, девелоперы сталкиваются с новыми вызовами, связанными с необходимостью улучшения качества городской среды. Сформировался запрос на новые подходы в области реновации городских пространств, учитывающие средовые особенности постсоветских городов, а также возрастающее значение коммуникации между различными участниками ГД: представителями власти, бизнеса, девелопмента, гражданскими и инициативными группами, жителями территорий и др.

В период с 2008 по 2021 год появились государственные программы и гражданские инициативы в области качества городской среды. Были созданы индексы качества городской среды, собраны базы данных о жилищных условиях населения¹, появился «Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды», разработанный Центром городских компетенций Агентства стратегических инициатив совместно с Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. В разных регионах открылись АНО «Центры компетенций по вопросам формирования комфортной городской среды». Одним из ключевых стал проект по основному направлению стратегического развития РФ «Формирование комфортной городской среды» в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» (2018–2024). Ключевая цель проекта — в «обеспечении комплексного развития современной инфраструктуры на основе единых подходов»². В рамках данного проекта в различных городах проводились голосования среди жителей по выбору территорий для благоустройства, нормой стали семинары по организации «соучаствующего проектирования». За 2021 год во Всероссийском голосовании за объекты благоустройства приняли участие 9,7 млн человек [Цумарова, 2021]. Также были сформированы крупные инвестиционные партнерства между представителями государства и бизнеса в сфере развития городской среды. По данным Минстроя, с 2016 по 2020 год

¹ Жилищные условия // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 17.11.2022).

² Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» // Правительство России. 2016. URL: <http://government.ru/projects/selection/649/25517/> (дата обращения: 17.11.2022).

частные инвестиции в сферу жилищно-коммунального хозяйства выросли на 308 млрд руб.¹

Кроме того, изменения произошли в сфере градостроительной деятельности. До 2008 года «Градостроительство» рассматривалось как архитектурная специализация. В 2008 году в Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (ЕКС) была включена должность «градостроитель»². Это символизировало новый этап для развития «внеархитектурной» модели в градостроительном образовании [Жеблиенок, 2016]. Впоследствии в 2016 году вышел образовательный стандарт по специализации «Градостроитель».

Наряду с этими процессами в сфере ГД распространились новые идеи и дискурсы, которые получили именование «урбанистика». Их характеризуют следующие признаки: ориентация на обсуждение будущего городского развития; ориентация на глобальные тренды в городском развитии, включая идеи движения «нового урбанизма»; междисциплинарный характер проектов для обеспечения комплексного подхода к проектированию городов; использование аналитических инструментов, позволяющих учитывать мнения жителей в градостроительном процессе (процедуры вовлечения и соучаствующего проектирования, социологические и антропологические методы исследований).

Анализ динамики запросов в Google Trends (Рис. 1) показывает, что пик популярности термина «урбанистика» приходится на 2008 год, в котором вышла одноименная книга В. Глазычева [Глазычев, 2008]. Также в этом году произошел мировой финансовый кризис, который, как мы предполагаем, повлиял на формирование запроса на обсуждение будущего России, ее социально-экономического развития и повышения качества жизни населения, а также повысил интерес к проектам локального городского развития. На графике можно заметить еще два пика запросов — в 2009–2011 и в 2018–2020 годах. Первый период соотносится с заметными изменениями системы государственного планирования: появились такие документы, как «Концепция развития» и «Генеральный план города», стали формироваться государственные программы «Доступная среда», «Создание комфортной городской среды», «Безопасные и качественные дороги», «Обеспечение качества жилищно-коммунального хозяйства». Пик в 2018–2020 гг. можно проинтерпретировать развитием федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», включающего «поддержку создания проектов комфортных общественных пространств в малых городах и исторических поселениях, развития комплексного подхода к историческим территориям для сохранения историко-культурного наследия»³.

¹ Информация о привлечении частных инвестиций в сферу жилищно-коммунального хозяйства // Минстрой РФ. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/opendata/7707780887-investzhilpol/> (дата обращения: 03.04.2023).

² Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих // Деловое общение. URL: <http://bizlog.ru/eks/eks-5/17.htm> (дата обращения: 17.11.2022).

³ Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» // Минстрой РФ. URL: <https://gorodsreda.ru/> (дата обращения: 18.09.2023).

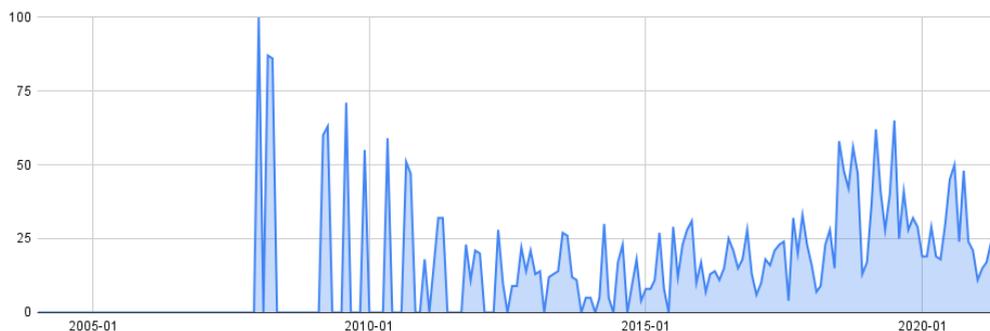

Рисунок 1. Динамика запросов по слову «урбанистика» в Google Trends.
 Источник: расчеты и рисунок автора.

В 2020 году пандемия COVID-19 способствовала развитию дискуссии о будущем городского образа жизни в условиях распространения вирусов. В профессиональном сообществе возродилось обсуждение новой концепции территориального планирования и градостроительства, так как современные города не справляются с рисками глобального и регионального масштабов [Кочуров, Ивашкина, 2020: 91]. Данный запрос был также обозначен в «Стратегии развития строительной отрасли и ЖКХ до 2030 года» в 2022 году.

Таким образом, происходящие социально-экономические процессы отражаются на уровне и характере интереса к градостроительной тематике, способствуя появлению новых идей и дискурсов в градостроительной деятельности [Healey, 2020; Innes, 1995; Sehested, 2009]. Цель статьи состоит в поиске и аналитическом описании данных идей и дискурсов с позиции профессионалов в сфере градостроительства.

Концептуализация социальных трансформаций в градостроительной деятельности

Актуальные исследования показывают, как трансформируются роли городских планировщиков и градостроителей под влиянием социально-экономических процессов. Во-первых, планировщику делегируется ответственность за коммуникацию между различными акторами и выявление их потребностей, а не только за планирование города [Sehested, 2009]. Исследователи говорят о коммуникативном повороте в планировании [Healey, 1992], отражающем желание противостоять доминирующему модернистскому дискурсу, который изначально встроен в деятельность и практики городского планирования. Во-вторых, градостроительная сфера меняется в рамках трансформации профессиональных услуг в парадигме нового профессионализма, связанного с концепцией устойчивого развития [Bordass, Leaman, 2013; Connaughton, Meikle, 2013; Duffy, Rabeneck, 2013; Twinn, 2013] и коммодификации знаний профессионалов в сфере архитектуры

и градостроительства, обретения их рыночной стоимости [Duffy, Rabeneck, 2013; Bresnen, 2013].

Данные процессы отражаются и на терминологическом уровне. Так, Хили [Healey, 2020] выделяет следующие различия между терминами «урбанизм» (англ. — *urbanism*) и «градостроительство» (англ. — *town planning*). Градостроительство принадлежит к англо-саксонской традиции, урбанизм — к латинской. Градостроительство рассматривается в рамках отдельной профессии, в то время как урбанизм — широкое понятие, включающее культуру и знания различных профессиональных групп. Третье различие касается плюрализма мнений в рамках этих направлений. Градостроительство претендует на установление монополии на знания профессионала, в то время как урбанизм ориентируется на плюрализм мнений в рамках градостроительной политики. Англо-саксонское градостроительство получает свое развитие в послевоенные годы в контексте строительства новых городов и жилых комплексов, отмечается его ориентация на технократический подход.

По мнению американского социолога М. С. Ларсон, профессиональный дискурс в сфере архитектуры характеризуется *гетерономией* (качеством, противоположным автономии). Этим термином подчеркиваются отношения зависимости профессионалов от желаний клиентов и других специалистов по строительству: «Диалектика дискурса и практики (или автономии и гетерономии) характерна для архитектуры. Она особенно значима при анализе дискурсивных сдвигов» [Larson, 1993: 5]. Дискурсы в исследовании Ларсон связываются с политическими элитами и их желанием контролировать архитектурную и градостроительную деятельность. Гетерономность профессии архитектора делает ее зависимой от вкусов клиентов, экономического капитала, технических возможностей. Клиенты переопределяют архитектурный рынок через системы репутации, проведение архитектурных конкурсов [Larson, 1993]. Существуют также культурные представления о значимости архитектуры, призывающие обращаться к специалистам для создания «красивого» архитектурного объекта, обладающего определенным стилем: «Особенность архитектуры среди искусств и профессий заключается в том, что она вносит свой вклад в культуру не только через дискурс и кодифицированные практики, но и, что особенно важно, через артефакты, которые могут быть одновременно пригодными для использования и красивыми» [Larson, 1993]. Соответственно, задача архитектора не сводится только к проектированию, она включает в себя еще и создание культурных образцов: «Противоречие автономии и гетерономии, присущее архитектуре и ее публичному характеру, придает ей символическое социологическое значение» [Larson, 1993].

Существуют различия в том, какие культурные образцы создают и транслируют архитекторы и градостроители в разных странах и институциональных контекстах. Например, в исследованиях К. Станилова отмечается кризис легитимности профессии градостроителя в постсоциалистических странах в связи с необходимостью пересборки профессиональной культуры, сформированной в условиях директивного управления, когда общественность не рассматривалась как равноправный участник градостроительного процесса [Stanilov,

2007]. В России этот аспект профессиональной трансформации усложняется тем, что а) рыночные институты в области планирования городов находятся в процессе формирования и б) градостроительство до 2008 года рассматривалось государственными институтами узко — как архитектурная специализация, несмотря на то что в круг его задач входят также пространственное развитие и управление. Представляется важным и значимым проанализировать путь развития градостроительной деятельности в России, опираясь прежде всего на мнения профессионалов, которые столкнулись с новыми вызовами и глобальными изменениями в период с 2008 по 2021 год.

Данные и методы

Мы опираемся на авторское исследование, представленное полуструктурированными экспертными интервью (N = 15) с профессионалами, имеющими практический опыт в сфере градостроительства, а также реализующими новые урбанистические проекты в разных городах России. Данные были собраны в 2020–2021 годах. Интерпретация данных осуществлялась в оптике теории конструктивистского институционализма [Schmidt, 2010].

При проведении экспертных интервью важно определить критерии, по которым будут отбираться эксперты [Bogner, Littig, Menz, 2009]. В нашем исследовании эксперт определялся на основе обладания контрибутивной экспертизой [Collins, Evans, 2002] в сфере градостроительства, иными словами, обладал опытом реализации градостроительных проектов. Информантами стали ключевые акторы градостроительства в Санкт-Петербурге и Москве, которые работают в государственных и коммерческих проектах, преподают в университетах, осмысливают процессы становления урбанистики в России и имеют представление об этой области. Среди них — представители Института экономики города, участвующие в разработке Градостроительного кодекса РФ, представитель Комитета по градостроительству и архитектуре в Санкт-Петербурге, преподаватели Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, ИТМО и ГАСУ, сотрудники лаборатории «Лабград», представители консалтинговых компаний в сфере городского развития: «Стрелка», «Урбаника», «MLA+» и др. Выборка формировалась на основе стратегии снежного кома. Выбор информантов из Москвы и Санкт-Петербурга был обусловлен тем, что в этих городах находятся основные институты, связанные с урбанистикой (Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ, Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», направление Urban Studies в МВШСЭН, Институт госслужбы и управления РАНХиГС, Центр городских исследований «Сколково», ГУУ и др.), а ключевые представители градостроительной отрасли из Москвы и Санкт-Петербурга участвуют в проектах по всей России.

Экспертные интервью, собранные в рамках данного исследования, относятся к типу производящих теорию экспертных интервью (англ. — *theory-generating*) в терминологии Богнера и Менца [Bogner, Menz, 2009]. Они позволяют реконструировать социальные интерпретативные паттерны и субъективные

обоснования действий информантов. При работе с данными применялся тематический анализ. К темам, обсуждаемым с экспертами, относились следующие: профессия градостроителя / архитектора / урбаниста: особенности исторического развития и современные проблемы; возможности и ограничения существующего законодательства в градостроительной отрасли; особенности образования градостроителей в СССР и в настоящее время; профессиональные сообщества в сфере градостроительства и архитектуры; особенности влияния рыночных процессов на градостроительную практику в России.

Концептуальная модель исследования основана на идеях последовательной конструктивистского институционализма [Schmidt, 2010]. Этот подход характеризуют следующие признаки: внимание к идеям и дискурсу; идеи и дискурс рассматриваются в определенном институциональном контексте; идеи рассматриваются в «смысловом контексте»; динамичный взгляд на институциональные изменения. Термин «дискурс» в подходе Шмидт «освобождается от постмодернистского багажа и охватывает не только *содержание* идей, но и *интеракционные процессы* передачи этих идей» [Schmidt, 2010: 305]. То есть для исследователя приобретает важность не только идея, но и контекст, в котором она обсуждается, не только структура, но и действие агента. Единицами анализа являются новые идеи и дискурсы, появившиеся в рамках профессиональной деятельности градостроителей в период с 2008 по 2021 год.

Новые идеи и дискурсы в градостроительной деятельности в период с 2008 по 2021 год

Период с 2008 по 2021 год характеризуется глобальными и локальными вызовами для профессионалов в сфере градостроительства. В 2015 году Россией была подписана резолюция ООН, которая включает принципы устойчивого развития городов¹, в том числе улучшение взаимодействия граждан и представителей государственных органов. К локальным вызовам относятся: новый этап в развитии профессиональной деятельности градостроителей, связанный с формированием концепции «комфортного города» [Zupan, Gunko, 2019], изменения в национальной и региональной системе законодательства. Профессионалы в сфере ГД столкнулись с новыми вызовами, порождаемыми законодательными и рыночными изменениями.

Несколькими годами ранее, в 2011 году, вышел новый вариант «Градостроительного Кодекса РФ», ключевым изменением которого стало введение «благоустройства» в область градостроительной деятельности. Как отмечает эксперт,

«...благоустройство у нас было совершенно неприкаянной темой, оно там моталось из законодательства в законодательство. И вот

¹ Цели устойчивого развития: ООН и Россия, 2015. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf> (Дата обращения: 17.11.22).

наконец-таки обрело тихую гавань в виде Градостроительного кодекса. Соответственно, так как это относится к градостроительной деятельности теперь, то да, это добавило задач градостроителям» (юрист в сфере градостроительства, Москва).

В интервью также упоминается появление новых игроков на рынке, реализующих проекты в сфере благоустройства — архитектурных и проектных бюро, деятельность которых связана с вопросами дизайна городской среды и проектирования общественных пространств:

«Появилось большое количество молодых команд, которые выросли на этом рынке, потому что раньше таких заказов городских вообще не было. Теперь они появились» (градостроитель, Санкт-Петербург).

В исследовании Н. Жеблиенок показано, что исторически интерес к урбанистике в контексте градостроительства связан с периодами политических реформ: «в истории России было три общества урбанистов: Общество архитекторов-урбанистов (АРУ) работало в 1930–1936 годах, Общество советских урбанистов (СОУ) (член ISoCaRP — Всемирного общества городских и районных планировщиков) работало в 1987–1992 годах, Национальное градостроительное общество (НГО) создано в 1997 году» [Жеблиенок, 2016: 77]. В постсоветский период термин «урбанистика» стал маркировать этап смены ценностных установок, ориентацию на оценку качественных характеристик городской среды (в отличие от ориентации на экономические показатели), оценку субъективных параметров восприятия городской среды, процедур, направленных на обеспечение открытости градостроительного процесса для разных групп.

В ходе интервью информантам предлагалось определить различия между урбанистикой и градостроительством. Результаты сравнения представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Характеристики градостроительства и урбанистики глазами экспертов

Градостроительство	Урбанистика
«Хирургия» (стратегическая функция)	«Фитотерапия» (превентивная функция)
Профессиональная деятельность	Публичная деятельность
Понятие, которое зарождалось в определенном историческом, институциональном контексте	Понятие, которое трансформировалось
Широкий термин, включает множество видов деятельности	Широкий термин, включает множество видов деятельности, а также — самоидентификация, язык, на котором говорят специалисты разных областей
Термин, релевантный для российского институционального контекста	Импортируемый термин и идеи

Окончание табл. 1

Градостроительство	Урбанистика
Множество видов деятельности, причем в российской практике набор этих видов деятельности шире, чем в зарубежных странах	Исследовательская, теоретическая деятельность
Вид деятельности, связанный с работой с пространством	Деятельность, связанная с проектированием города с опорой на исследование
Сфера деятельности, связанная с обслуживанием сферы строительства	Самоидентификация, язык, на котором говорят специалисты разных областей
	Подчеркивает взаимосвязь права, экономики и города
Синонимы	Синонимы

Исходя из этого, можно выделить следующие признаки отличий урбанистики от градостроительства в представлениях профессионалов в ГД: урбанистика связана с публичной деятельностью, основывается на исследовательских практиках, предлагает общий язык, на котором могут разговаривать профессионалы из различных дисциплинарных областей. Она также основывается на импортируемых идеях, перенимаемых практиках, которые циркулируют в разных странах в связи с глобальными трансформациями и изменениями рынка профессиональных услуг. Урбанистика связывает правовые, экономические и пространственные аспекты в ходе планирования, что позволяет предотвращать появление конфликтов и рассчитывать эффективность градостроительных проектов для различных социальных групп.

Маркетизация градостроительной деятельности

Важным дискурсом, связанным с появлением урбанистики и выявленным в ходе анализа интервью, является маркетизация ГД. Работа градостроителя описывается как «услуга», которая предоставляется клиентам:

«Не хотелось бы возвеличивать значимость профессии градостроителя, скажем так. Это так же, как и архитектор, сфера услуг... Потому что это в рыночной экономике, это в большей степени работа, связанная с обеспечением возможностей, чем с единоличным проектированием чего бы то ни было... (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

Информанты отмечают свое переосмысление деятельности в сфере градостроительства в процессе работы и важную роль социальных факторов, которые оказывают влияние на градостроительные проекты. Например, негативные оценки проектов жилья эконом-класса могли смягчиться, когда информант понимал, что этот формат в текущих социально-экономических условиях помогает сделать жилье доступнее:

«...А вот как быть с молодой семьей, которая за миллион может съехать от родителей?.. Они могут себе позволить купить своей семье отдельное жилье, что потенциально приведет к тому, что эта семья не распадется в какой-нибудь краткосрочной перспективе... Это заставило меня тогда очень сильно задуматься над тем, а действительно ли это так плохо, как градостроители привыкли об этом кричать и обсуждать. И здесь просто нельзя дать оценку» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

Помимо социальных аспектов, профессионалы сталкиваются с новыми задачами, нуждами и запросами рынка. Представители организации X в Санкт-Петербурге описывают, каким образом они основали свою компанию, отделившись от государственной. Компания стала реализовывать консалтинговые услуги по проектам городского развития, не входящим в систему госрегулирования, однако пользующимся спросом на местном уровне:

«Стратегии [городского развития] на тот момент, конечно, были интересней, потому что они тоже как бы формировались как рынок, и тоже было что-то новое, там можно было какие-то вещи попробовать интересно делать. А в Генпланах постепенно это сходило на нет. А во-вторых, денег не хватало» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004 года).

В данной цитате описывается появление новых задач, связанных со стратегиями развития городов, что открывает пространство возможностей для развития новых проектов в рамках ГД.

Преподаватель градостроительства описывает процесс маркетизации, отмечая разную направленность деятельности градостроительства и урбанистики, что также соотносится с различными культурными контекстами, в которых развивались эти понятия:

«За это время сформировался рынок урбанистики. Я бы не сказала, что урбанистика подвинула градостроителей, я бы сказала, что градостроительство сдавало свои позиции довольно сильно. Просело. И оно продолжает проседать. И это вот одна из центральных вещей... потому что градостроительство и урбанистика — это разные вещи. Они очень близкие, где-то они чуть-чуть стыкуются, но это разные вещи, и они должны остаться разными. В этом правильная культура» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2002 года).

Таким образом, маркетизация является одной из ключевых трансформаций в сфере ГД. Деятельность градостроителей в изучаемый период ориентируется на нужды рынка, появляются новые заказчики городских проектов. В интервью подчеркивается важность институциональных условий для такой трансформации, формирование рынка и новых профессионалов, которые берут на себя выполнение новых задач, в том числе связанных со стратегиями городского развития, которые появляются в сфере ГД.

Индивидуалистический дискурс в градостроительной деятельности

Индивидуалистический дискурс в ГД означает, что при схожих проблемах в двух разных городах, районах или территориях будут предложены разные решения в зависимости от их индивидуальных особенностей. При этом выбор необходимого в каждом случае решения зависит от субъективного взгляда урбаниста, его искусности в применении методов, которые он приобрел с опытом. Поэтому методы урбанистики невозможно полностью стандартизировать. Отсутствие унифицированных норм порождает разные интерпретации урбанистического знания:

«Мы в Петербурге под урбанистикой понимаем совершенно иное, чем в Красноярске и Москве в настоящую минуту... Консолидированного понимания этого нет» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 1995 года).

Отмечается, что урбанистика может меняться в зависимости от контекста, в котором этот концепт используется. В этом интервью акцентируется внимание на множественном характере урбанистики в зависимости от исторического периода и территориального контекста. В целом это связано с возможностью обсуждения локальных проблем и предложения новых идей и подходов к их решению. Этот подход также предполагает учет локальных особенностей территории и индивидуальных характеристик — в отличие от шаблонных и стандартных практик. При этом критикуется избыточное внимание к эстетике без смыслового компонента:

«Изначально урбанистика — это... то есть более-менее в сообществе признано, что у нас как бы основы российской урбанистики заложил Глазычев. У него даже книжка так называется. Он был настоящий урбанист. А потом как раз, когда на стыке где-то десятых годов, когда начали говорить про эту урбанистику, эту тему очень активно захватили люди, которые не про это, которые про скорее городское благоустройство... То есть про красоту без понимания, почему» (экономист в области градостроительства, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004 года).

Еще одним аспектом индивидуалистического дискурса, который развивается в сфере ГД, становится плюрализм мнений среди профессионалов о будущем городском развитии:

«У планировщиков есть определенная идеальная модель, у каждого своя, о том, как должна развиваться территория, и он эту модель старается транслировать. Ну, транслировать ее через проекты или законодательство, и на самом деле основной конфликт в профессиональной сфере — это конфликт между этими разными моделями» (градостроитель в сфере управления и проектного менеджмента, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004).

Эти модели зависят не только от профессиональных групп, но и от устоявшихся практик, распространенных в конкретных городах или организациях. Соответственно, при проектировании территории большое значение будет иметь выбор профессионала, который реализует проект развития.

«Мне кажется, она даже есть в каждом городе своя — устоявшаяся практика определенная, которую согласует главный архитектор. У него есть свое представление о прекрасном. Или в каком-то проектном институте есть определенные подходы, и вот они их транслируют» (градостроитель в сфере управления и проектного менеджмента, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2004).

Модели городского развития также могут базироваться на различных принципах: вертикальной иерархии и поддержания статуса профессионалов или горизонтальной децентрализации знаний и экспертизы. Различия в моделях будущего разнятся и стимулируют профессиональную дискуссию, поиск новых способов выражения этих идей, в том числе через новые проекты городских территорий и дизайнерские решения.

Терапевтический дискурс в градостроительной деятельности

Еще один дискурс, который характеризует урбанистику в рассматриваемый период, связан с глобальной тенденцией терапевтического поворота. В одном из экспертных интервью предлагается медицинская метафора для характеристики тех функций, которые берут на себя урбанисты в новых условиях:

«Быть градостроителем — это хирургия. Это история про хирургию. А урбанистика... это фитотерапия. Речи нет о том, что фитотерапия — плохо... Это очень хорошо, это полезно. Просто, когда у тебя сломана нога, ты идешь к хирургу. Фитотерапия не поможет. Вот и все» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 2002 года).

Фитотерапия предлагает поддерживающее лечение травами, направленное на общее оздоровление и укрепление иммунитета. Такое сравнение позволяет выделить две принципиально разные задачи в ГД: стратегическую и терапевтическую, направленную на укрепление и развитие. Стоит отметить, что терапевтический поворот — феномен, характерный для разных общественных процессов, который связывается с глобальными процессами развития капитализма, и в частности, с определенным набором методов и способов решения городских проблем, взаимодействия с жителями.

Город рассматривается как сложный инструмент развития общества, а новый терапевтический дискурс маркирует запрос на поддерживающие практики в ходе происходящих трансформаций. В одном из интервью город рассматривается как инструмент, с помощью которого закладываются новые эффекты для общественного развития:

«Я тогда уж дополню, раз уж так, то получается, что город — это инструмент создания развития общества, и им как инструментом нужно овладеть и знать, на какие кнопки нажимать, извините, за какую пимпочку дергануть, в какой момент для того, чтобы получить какой-то желаемый эффект, а не какой-то ужасный, который тоже в этом сложном инструменте происходит. Постоянно где-то масло протекает, заржавеет где-то. У меня к урбанистике такое отношение...» (градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 1995 года).

В рамках терапевтического и индивидуалистического дискурсов увеличивается запрос на сбор и анализ данных о процессах развития городских территорий. Происходит развитие аналитических методов в ГД, возрастает необходимость оценки будущих рисков, эффективности проекта и экономических показателей, прогнозирования и оценки градостроительных проектов. Это включает в себя развитие как новых подходов к оценке, так и новых методик, которые требуют знаний в различных дисциплинарных областях и подходов, основанных на аналитической работе с данными:

«Слово “урбанистика” я услышал в 2008 году, когда долго пытался объяснить аналитические методы в архитектуре на летней программе “Стрелки”. Мне тогда сказали, в основном иностранные участники, что вот это называется урбанистикой...» (Градостроитель, Санкт-Петербург, в ГД сфере с 1995 года).

Коммуникативный поворот

Еще одна особенность трансформации профессиональной деятельности градостроителей в период 2008–2021 годов, тесно связанная с терапевтическим дискурсом, — коммуникативная составляющая ГД. Помимо задач, направленных на планирование территорий, профессионалы сталкиваются с задачами по медиации интересов различных городских публик. Цитата ниже иллюстрирует возрастающее значение коммуникации в градостроительном процессе:

«Городской планировщик — это контактер прежде всего. Он на самом деле не отвечает за решения, за решения отвечает заказчик. Он должен представить спектр возможных решений и объяснить, чем они чреваты для каждого из субъектов. И вот эта история, она очень тяжело входила, но сейчас... люди адаптировались, профессионалы. Но десять лет назад у нас был подход, что я градостроитель, я нарисовал город, какие людишки, что они знают в городе?» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 1995 года).

В рамках этой трансформации также происходит рост и развитие проектов, связанных с соучаствующим проектированием, партисипаторными методами

и другими подходами, направленными на взаимодействие с жителями территорий, местным бизнесом и др. Практики, связанные с идеей «соучаствующего проектирования», были включены в градостроительный процесс, имея в нем рекомендательный характер, в рамках «Стандарта вовлечения горожан в решение вопросов городской среды»¹. Происходит переход от монополизации знаний к экспертным формам со-производства, включающим участие и вовлечение граждан и бизнес-сообществ в процессы проектирования. Несмотря на то, что конечное решение принимает профессионал, тем не менее количество данных, которые используются при принятии решения, увеличивается. Помимо этого, монополия на профессиональную деятельность смещается за счет прихода новых акторов. Так, для описания современного состояния профессии приводятся новые ценности, которые начинают транслировать профессионалы:

«Роль градостроителя состоит в том, чтобы показывать ценности... чтобы конкретные жители конкретного города... жили лучше» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

Появляются новые акторы, связанные с коммуникацией в рамках ГД (блогеры, активисты, медиаторы), которые предлагают свои способы решения городских проблем. В то же время эти способы могут рассматриваться отдельными участниками градостроительного процесса как неэффективные. Однако они стимулируют дискуссию и обсуждение городских проблем:

«Урбанисты — о них сложилось представление, что это люди, которые громко говорят о городских проблемах. И я бы сказала, что именно это не плохо и не хорошо, просто слово “урбанист” у нас ассоциируется с человеком, который много выступает публично» (градостроитель, Москва, в ГД сфере с 2015 года).

В другом интервью также отмечается роль урбанистов в обсуждении городских проблем в публичном пространстве:

«Мне кажется, урбанисты, градостроители — это синонимично. Есть урбанисты-общественники, которые задают правильные вопросы, которые выросли из какой-то другой среды. Физики-ядерщики тоже могут быть урбанистами, которые прочитали книжку Джейн Джекобс и поняли: что-то не так, надо на что-то влиять. Мне кажется, представители городского общества должны быть знакомы с урбанистической принципиально. Такой больше локальный масштаб. Наверно, в каком-то виде эти книжки должны воспитывать урбанистов, какой-то урбанистический взгляд на развитие города, формировать какой-то запрос на среду вокруг» (транспортный инженер, Санкт-Петербург, в сфере с 2010 года).

¹ Стандарт вовлечения горожан в решение вопросов городской среды // 100 городских лидеров. 2020. URL: <https://100gorodov.ru/standart> (дата обращения: 05.03.2022).

Таким образом изучаемый период характеризуется, во-первых, расширением коммуникации между различными акторами, выходящими за пределы ГД. Во-вторых, появлением новой функции медиаторов, которые требуются в градостроительных проектах.

Заключение

Феномен урбанистики определяется нами через новые идеи и дискурсы в контексте трансформации градостроительного дискурса. Новые идеи и дискурсы анализируются как продукты определенного исторического, политического и культурного контекста на локальном и глобальном уровне, связанного обменом идеями между профессионалами в области городского планирования. Для них характерна направленность на обсуждение будущего городского развития, мировых тенденций в области градостроительства, междисциплинарных подходов, использование аналитических инструментов для учета мнения жителей в градостроительном процессе. Профессиональное сообщество градостроителей и практиков имеет различные взгляды на урбанистику, а пандемия COVID-19 повлияла на дискуссию о будущем городской жизни и необходимости новых концепций территориального планирования и городского развития.

Трансформация ГД включает коммодификацию знаний профессионалов, коммуникативный поворот, появление новых задач, связанных с тематикой устойчивого развития. Ключевые аспекты трансформации ГД, выявленные в ходе экспертных интервью, связаны с маркетизацией ГД, формированием индивидуалистического и терапевтического дискурсов, коммуникативным поворотом. Для решения новых задач, возникающих вследствие глобальных и институциональных изменений, необходимы новые способы их обсуждения и исследования. Урбанистика как социальный феномен, развивающийся в период с 2008 по 2021 год, рассматривается как ответ на новые общественные запросы к градостроительной деятельности.

Литература

- Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. EDN: [QNNCTB](#)
- Жеблиенок Н. Н. Градостроительство как профессия и направление обучения в России. СПб.: СПбГАСУ, 2016.
- Кочуров Б. И., Ивашкина И. В. Города после пандемии COVID-19 // Мировая экологическая повестка и Россия. М: МГУ, 2020. С. 223–226. EDN: [DJTVKK](#)
- Цумарова Е. Ю. Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлеченность растет, доверие снижается // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 4. С. 221–248. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.9> EDN: [UWXASB](#)
- Bogner A., Menz W. The Theory-Generating Expert Interview: Epistemological Interest, Forms of Knowledge, Interaction // Interviewing Experts. London: Palgrave. 2009. P. 43–80. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230244276_3

Bordass B., Leaman A. A New Professionalism: Remedy or Fantasy? // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2012.750572>

Bresnen M. Advancing a “New Professionalism”: Professionalization, Practice and Institutionalization // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 6. P. 735–741. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.843269>

Collins H. M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. № 2. P. 235–296. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312702032002003>

Connaughton J., Meikle J. The Changing Nature of UK Construction Professional Service Firms // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 95–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.742366>

Duffy F., Rabeneck A. Professionalism and Architects in the 21st Century // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.724541>

Healey P. Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies. London: Bloomsbury Publishing, 2020.

Healey P. Planning Through Debate: The Communicative Turn in Planning Theory // The Town Planning Review. 1992. Vol. 63. № 2. P. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.3828/tpr.63.2.422x602303814821>

Innes J. E. Planning Theory’s Emerging Paradigm: Communicative Action and Interactive Practice // Journal of Planning Education and Research. 1995. Vol. 14. № 3. P. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.1177/0739456X9501400307>

Larson M. S. Behind the Postmodern Facade: Architectural Change in Late Twentieth-Century America. Berkeley: University of California Press, 1993.

Schmidt V. A. Taking Ideas and Discourse Seriously: Explaining Change Through Discursive Institutionalism as the Fourth “New Institutionalism” // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. № 1. P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175577390999021X>

Sehested K. Urban Planners as Network Managers and Metagovernors // Planning Theory & Practice. 2009. Vol. 10. № 2. P. 245–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649350902884516>

The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism / Ed. by K. Stanilov. Dordrecht: Springer Press, 2007.

Twinn C. Professionalism, Sustainability and the Public Interest: What Next? // Building Research & Information. 2013. Vol. 41. № 1. P. 123–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.743306>

Zupan D., Gunko M. The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities // Urban Studies and Practices. 2019. Vol. 4. № 3. P. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4320197-22> EDN: MDMMEQ

Сведения об авторе:

Москалева Светлана Михайловна — младший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** smmoskaleva@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 1073470; **ORCID ID:** 0000-0003-1508-5599

Статья поступила в редакцию: 29.05.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

БАК: 5.4.4; 5.4.7

Urban studies and practices in the context of Social Transformation of Urban Planning in Russia (2008–2021 years)

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.2

Svetlana M. Moskaleva Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: smmoskaleva@gmail.com

The field of urban planning in Russia (hereinafter — UP) is of particular interest for sociological analysis. By M. S. Larson, results of the activity of architects and town planners are not only material features, but also cultural, behavioral patterns which are inscribed in urban planning projects. In the last decade, professionals, city managers, and developers have faced new challenges related to the quality of the urban environment. The request for new approaches in the field of renovation of urban spaces was formulated both by professionals, representatives of civil, expert communities and grassroots groups, and by government authorities (within the framework of the federal project “Formation of a Comfortable Urban Environment”).

The focus of this article is the analysis of “urbanistika” (=urban studies and practices) in Russia in 2008–2021, based on materials from expert interviews with professionals with experience in the field of urban planning. Key aspects of the transformation of UP that were identified during the analysis include: 1) marketization of UP, 2) the formation of an individualistic discourse, 3) the formation of a therapeutic discourse, 4) a communicative turn in UP, which is shown by the example of the emergence of new methods (participatory design and others methods aimed at taking into account the opinions of residents during the urban planning process), as well as the emergence of new actors (bloggers and urbanists) in urban discussions and projects.

Keywords: urban studies; town planning; constructivist institutionalism; discourse analysis; sociology of professions

References

- Bogner A., Menz W. (2009) The Theory-Generating Expert Interview: Epistemological Interest, Forms of Knowledge, Interaction. In: *Interviewing Experts*. London: Palgrave. P. 43–80. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230244276_3
- Bordass B., Leaman A. (2013) A New Professionalism: Remedy or Fantasy?. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2012.750572>
- Bresnen M. (2013) Advancing a “New Professionalism”: Professionalization, Practice and Institutionalization. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 6. P. 735–741. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.843269>
- Collins H. M., Evans R. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*. Vol. 32. No. 2. P. 235–296. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312702032002003>
- Connaughton J., Meikle J. (2013) The Changing Nature of UK Construction Professional Service Firms. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 95–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.742366>
- Duffy F., Rabeneck A. (2013) Professionalism and Architects in the 21st Century. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.724541>
- Glazychev V. (2008) *Urbanistika* [Urbanism]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Healey P. (2020) *Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies*. London: Bloomsbury Publishing.

Healey P. (1992) Planning Through Debate: The Communicative Turn in Planning Theory. *The Town Planning Review*. Vol. 63. No. 2. P. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.3828/tpr.63.2.422x602303814821>

Innes J.E. (1995) Planning Theory's Emerging Paradigm: Communicative Action and Interactive Practice. *Journal of Planning Education and Research*. Vol. 14. No. 3. P. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.1177/0739456X9501400307>

Kochurov B.I., Ivashkina I.V. (2020) Goroda posle pandemii COVID-19 [Cities After the COVID-19 Pandemic]. *Mirovaya ekologicheskaya povestka i Rossiya* [Global Environmental Agenda and Russia]. Moscow: MGU. P. 223–226. (In Russ.)

Larson M.S. (1993) *Behind the Postmodern Facade: Architectural Change in Late Twentieth-Century America*. Berkeley: University of California Press.

Schmidt V.A. (2010) Taking Ideas and Discourse Seriously: Explaining Change Through Discursive Institutionalism as the Fourth “New Institutionalism”. *European Political Science Review*. Vol. 2. No. 1. P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175577390999021X>

Sehested K. (2009) Urban Planners as Network Managers and Metagovernors. *Planning Theory & Practice*. Vol. 10. No. 2. P. 245–263. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649350902884516>

Stanilov K. (ed.) (2007) *The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. Dordrecht: Springer Press.

Tsumarova E. Yu. (2021) Paradoks obshchestvennogo uchastiya v programmah blagoustrojstva: вовлеченност растет, доверие снижається [The Paradox of Public Participation in “Comfortable City Environment” Programs: Engagement Increased, Trust Declined]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 24. No. 4. P. 221–248. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.9>

Twinn C. (2013) Professionalism, Sustainability and the Public Interest: What Next?. *Building Research & Information*. Vol. 41. No. 1. P. 123–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/09613218.2013.743306>

Zheblienok N.N. *Gradostroitelstvo kak professiya i napravlenie obucheniya v Rossii*. [Urban Planning as a Profession and a Field of Study in Russia]. SPb.: SPbGASU, 2016. (In Russ.)

Zupan D., Gunko M. (2019) The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities. *Urban Studies and Practices*. Vol. 4. No. 3. P. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4320197-22>

Author Bio

Svetlana M. Moskaleva — Junior Researcher, Department on Social Urbanistics, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** smmoskaleva@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1073470; **ORCID ID:** 0000-0003-1508-5599

Received: 29.05.2023

Accepted: 10.09.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.3

EDN: IBEZRF

Образ городского пространства в повседневных практиках горожан (на примере Балаклавы)¹

Ссылка для цитирования:

Савина З. С., Ивакина А. Ю., Паламарчук Д. В., Смаль А. Р. Образ городского пространства в повседневных практиках горожан (на примере Балаклавы) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 49–64. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.3> EDN: IBEZRF

For citation:

Savina Z. S., Ivakina A. Yu., Palamarchuk D. V., Smal A. R. (2023) Urban Space in the Everyday Practices of Citizens: The Case of Balaklava. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 49–64. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.3>

Савина Зоя Сергеевна

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

E-mail: zoya.savina.1995@mail.ru

Ивакина Алина Юрьевна

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

E-mail: lina.ivakina.02@mail.ru

Паламарчук Диана Витальевна

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

E-mail: di.pa2017@yandex.ru

¹ Материалы, которые легли в основу данной статьи, были представлены на XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции НИУ ВШЭ в 2022 году. Авторы выражают признательность НИУ ВШЭ за покрытие расходов на участие в конференции.

Смаль Александр Ростиславович

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

E-mail: alexsmal2003@mail.ru

В статье рассматривается трансформация городской среды Балаклавы (в составе Балаклавского района Севастополя) и ее воздействие на повседневные практики горожан, а также описывается восприятие реконструкции города местными жителями. В ходе авторского исследования (31 полуструктурированное интервью) обнаружено, что происходит коммерциализация городских пространств, которая полностью меняет тип города — от закрытого военно-промышленного к открытому туристическому. Этому способствует в том числе джентрификация, которая проявляется в облагораживании городских районов, реконструкции городской набережной и приспособлении новых пространств для туристических целей. Повседневные практики горожан, которые состоят из выполнения профессиональных обязанностей, досуговых и коммуникативных практик, также претерпевают изменения, так как находятся под влиянием городского пространства. По результатам анализа информанты были разделены на три группы: недовольные, удовлетворенные и безразличные, — каждая из которых обладает своими особенностями, но при этом все они так или иначе адаптируются к произошедшим изменениям.

Ключевые слова: городская среда; коммерциализация; джентрификация; повседневные практики; профессиональные практики; досуговые и коммуникативные практики; трансформация города

Городская среда может быть определена как физический образ архитектурного пространства (включая улицы, парки, дворы), образующий внешний облик города (городской ландшафт) [Вагин, 2000: 22]. В ходе трансформации городской среды появляются новые типы пространств и новые способы использования уже существующих мест. Старые социальные практики исчезают или становятся малозначимыми. Взамен появляются новые практики и места, а жителям приходится приспосабливаться к изменившейся социальной среде, испытывая стресс от смены внешних и внутренних впечатлений [Зиммель, 2002]. В 70-е годы прошлого века города стали развиваться по капиталистическому пути, превращаясь в центры извлечения прибыли и потребления и переставая быть местом воспроизводства рабочей силы, что получило название кризиса городов [Трубина, 2011: 271]. При этом повседневная жизнь подверглась коммодификации (или товаризации), так как основой современной экономики стала сфера услуг.

Одним из примеров городских трансформаций является Балаклава, которая входит в состав Балаклавского района города Севастополь и в настоящее время совершает переход от индустриального города к туристическому. До 1990-х годов Балаклава была закрытым военным городом, а основным местом предоставления рабочих мест были заводы. Сейчас Балаклавская бухта стала основным источником зарабатывания денег: экскурсии, поездки на катерах, точки общественного питания, сувенирные ларьки, то есть маркетинг места выстраивается вокруг разнообразной туристической инфраструктуры. Тем самым городские районы развиваются путем адаптации населяющих их жителей [Park, Thomas, 2007], происходит адаптация к переформатированию городского пространства с промышленного на туристический сектор.

Природные объекты, которые для старшего поколения служили местом организации досуга и коммуникаций, подверглись изменению — из локальных мест они превратились в массовые площадки с коммерческой составляющей, т.е. стала взиматься плата за удовольствие от природных объектов [Трубина, 2011: 187]. Например, особым местом в Балаклаве является бухта, которая подверглась коммерциализации и стала использоваться яхт-бизнесом. Можно предположить, что локация, которая изменяет свою функцию, меняет и практики местных жителей. В данной статье мы проанализируем, как трансформация городской среды Балаклавы воспринимается местными жителями и каково влияние этих изменений на повседневные практики горожан.

Отметим, что переформатирование городского пространства с промышленности на туризм встречается и в других городах России. Например, Керчь имеет схожий путь развития с Балаклавой: начиная с 1990-х годов там существенно сократились объемы промышленного производства, и экономика города переориентировалась на развитие сферы торговли и услуг, значительная доля которых приходится на туризм [Ожегова, Боряк, 2013]. Также интересен опыт города Весьегонск (Тверская область): в советское время он специализировался на лесозаготовке и пищевом производстве, а сейчас благодаря Рыбинскому водохранилищу специализируется на обслуживании охотников, рыболовов и яхтсменов [Замятина, Пилясов, 2013: 510–512]. Примеры этих городов показывают, что природные ресурсы становятся базой новой экономической модели, ориентированной на сферу услуг.

Джентрификация и повседневные практики горожан

По мнению А. Лефевра, город — это машина, приспособленная к определенному использованию социальной группой [Lefebvre, 1991: 345]. А значит, закономерно и появление конфликтов между абстрактным пространством, занимаемым инвесторами и бизнесменами, и социальным пространством, которое состоит из обычных горожан и их мест обитания. Планирование государством или предпринимателями изменений абстрактного пространства часто вступает в конфликт с социальным пространством горожан [Вагин, 2000: 33], что наиболее ярко проявляется в ходе джентрификации — процесса

изменения, «облагораживания» городских районов за счет смены социального слоя его жителей на более состоятельный [Шалина, Степанова, 2019; Веретенников, Кузнецов, 2020].

Процесс джентрификации идет во многих российских городах, а наиболее активно — в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Томске [Арляпова, Родионова, 2016]. У каждого города своя специфика трансформации городского пространства, которая зависит от особенностей законодательства, экономической и социокультурной среды. При этом джентрификация в России отличается от западного типа, имея незавершенный и фрагментарный характер [Афанасьев, 2014], связанный, в частности, с неолиберальной экономической идеологией и дистанцированием государства от регулирования рынка жилой недвижимости [Горбачевская, 2021].

Важные проявления джентрификации — реконструкция городских набережных и их приспособление для рекреационных и иных функций, появление торговых кварталов и модных ресторанов. Основой этих изменений является сдвиг в структуре занятости, в которой наибольшее число рабочих приходится на сферу обслуживания [Вагин, 2000: 19].

Джентрификацию можно отнести к процессам самоорганизации горожан. Д. Прокофьев отмечает, что для нормальной жизни города необходимо, чтобы люди из разных социальных слоев продолжали жить рядом, так как даже самый эксклюзивный и облагоустроенный район не может держаться исключительно на покупателях и арендаторах дорогого жилья. Для нормального функционирования ему необходимо довольно много людей обслуживающих профессий (продавцов, уборщиков, официантов и т.п.). Если они будут приезжать откуда-то с окраин, это будет создавать излишнюю нагрузку на городскую инфраструктуру и увеличит издержки¹.

Следует отметить, что джентрификация может стать источником стресса для горожан, поскольку делает неизбежным столкновение с устойчивыми раздражителями, являющимися частью обновленной среды города [Голд, 1990: 168]. Население, проживающее в разных местах города, различается по степени доступа к возможностям получать необходимые ресурсы и средства в зависимости от занимаемых экономических и статусных позиций [Вагин, 2000: 37]. Однако это не только позиции в физическом пространстве и внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая позиция [Шюц, 1988]. Пространственный конфликт формируется на пересечении этих позиций и объясняется тем, что городские места обладают определенными смыслами для представителей разных социальных групп, моделируя те или иные повседневные практики — свободно выбираемые и устойчивые формы обыденных рутинных действий в пределах возможностей физического и социального пространства [Романычев, 2014].

Повседневные практики горожан обладают рядом особенностей: наличие социального контекста; неуникальность событий повседневной жизни, их

¹ Прокофьев Д. Джентрификация: для богатых или для всех // Деловой Петербург. 08 мая 2021 г. URL: https://www.dp.ru/a/2021/05/08/Dzhentriifikacija_dlja_bogat (дата обращения: 04.04.2022).

повторяемость и рутинность изо дня в день; пространственно-временная и территориальная ограниченность; отсутствие рефлексивности действия [Штомпка, 2009]. Люди движутся среди городских объектов, испытывают их сопротивление и могут на них воздействовать, но ни один из них не воспринимается как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом [Шюц, 1988]. Для большинства людей обыденная жизнь включает в себя работу, семью, друзей и личное время. Исходя из этого, повседневные практики условно можно разделить на профессиональные обязанности (работа, учеба или отсутствие какой-либо трудовой деятельности), досуговые и коммуникативные практики [Ракачева, 2017]. Все это происходит через непосредственное взаимодействие людей с городскими условиями, конструируя границы внутри города и наполняя его символами. Далее мы на материалах проведенного исследования проанализируем, как динамика изменения городского пространства влияет на повседневные практики горожан.

Методология исследования

Эмпирической базой исследования, которое легло в основу статьи, выступает 31 полуструктурированное мини-интервью с местными жителями, из которых 18 информантов — женщины и 13 — мужчины, возрастная группа — от 20 до 82 лет. Все информанты большую часть своей жизни прожили в городе Балаклава: или родились здесь, или переехали сюда в молодости. Коренные балаклавцы представляют для нас важность, потому что они могут оценить изменения города сквозь призму времени. Однако за рамками исследования остаются местные жители, которые поселились в Балаклаве относительно недавно. Это является ограничением исследования.

Сбор данных осуществлялся по всей территории города Балаклава, а именно: в дворах жилых домов, в скверах и парках, в магазинах, аптеках, на набережной и по пути на башню Чембало (в туристических зонах). Опрос проводился с 19 сентября по 2 октября 2021 года. Данный период выпадает на конец туристического сезона.

Изменения городской среды Балаклавы глазами местных жителей

1. Отношение к зонированию пространства как к продукту деятельности «чужаков»

Люди «строят» свой город в воображении, используя для этого различные детали городского ландшафта [Вагин, 2000: 23]. Каждый горожанин имеет свой частный опыт, осознает и заботится о том, чтобы уберечь их от вторжения извне и неверной интерпретации [Вирт, 1997]. В Балаклаве это проявляется через неприязнь местных к богатым приезжим, которые «понастроят» и, тем самым, изменят природный ландшафт:

«Мне больше всего не нравится, что распахали горы и строят жилье. Так красиво было, и гора одна лучше другой. Природу портят своими застройками... Ведь у нас были такие красивые горы, а сейчас что: строят, ломают тут» (ж., 82 года, жительница Балаклавы с 1974 года, 28.09.2021).

Жители опасаются потери идентичности города. Боязнь вторжения извне видна через словесные обозначения, которые балаклавцы используют для приезжих — «москвичи», «инопланетяне». Это объясняется связью между тревогами людей по поводу их собственной идентичности и присутствием рядом с ними других, на которых эти тревоги проецируются. Существуют «они», совсем не такие, как «мы». «Они» — непостижимые чужаки. У «нас» — предсказуемость. У «них» — неопределенность [Трубина, 2011: 58]. Горожане боятся чужаков (бизнесменов и инвесторов), в том числе из-за специфики городского расселения, так как в самой Балаклаве нет четкого разграничения между богатыми и малообеспеченными. В городе неоднородно расселены представители разных социальных классов (особенно это заметно по улице Богдана Хмельницкого, где многоквартирные дома сменяются частным сектором и дачными участками). Типичный житель города создает себе средство самозащиты против угрожающих его существованию противоречий внешней среды [Зиммель, 2002]. Этим противоречием внешней среды являются как раз «чужаки» и «колонизаторы», которые нарушают привычный образ жизни.

Если какие-то городские территории колонизируются новыми резидентами, старым приходится искать для себя новые места обитания. Вторжение новичков неминуемо означает отступление или «поражение в правах» старожилов. Соревнование между различными социальными группами сопровождается процессами вторжения, защиты и подчинения себе тех «естественных» зон, к которым группы наиболее хорошо приспособлены [Трубина, 2011: 69]. Зонирование городской среды напрямую связано с социальными практиками, осуществляемыми в ней.

2. Основные изменения и осведомленность о них

Самые крупные изменения городского пространства в Балаклаве на данный момент — это реконструкция набережной и стадиона «Горняк». Набережная в настоящий момент является локальным культурным, деловым и туристическим центром, в программе развития города ей отводится ключевая роль. В программе реконструкции набережной Балаклавы под яхтенную марину присутствуют принципы визуальной адаптации, сохранение исторической части города, создание открытых общественных пространств и благоустроенных пешеходных зон для удобства населения. Помимо этого, в Балаклаве планируется благоустройство городского пространства (парки, скверы, тротуары, дороги, детские площадки и пр.). По мнению жителей, благоустройство идет городу на пользу:

«Город стал красивее и более ухоженным» (м., 45 лет, житель Балаклавы, 19.09.2021);

«Делают дороги и парковки, все меняется» (ж., 25 лет, жительница Балаклавы, 19.09.2021).

Парадоксально, что, несмотря на обширные планы преобразования города, некоторые жители не знают о подобных изменениях. Это можно объяснить тем, что чем дальше от места проживания происходят изменения, тем меньше это волнует индивида [Голд, 1990: 186]. Например, на окраине Балаклавы (в районе железных дорог) жителей меньше интересовала реконструкция общественных пространств или они вовсе о ней не знали. Наши информантов больше волновало благоустройство территории в районе их проживания: создание локальных парков, ремонт дорог. Кроме того, неосведомленность о планируемых изменениях в Балаклаве связана с особенностями не только территории проживания (ближе или дальше от центра города), но и места работы или проведения досуга. Материалы интервью показывают, что у жителей, которые ездят в Севастополь для выполнения профессиональных обязанностей или досуговых мероприятий, снижается привязанность к Балаклаве. Такие семьи становятся более приспособленными или, по крайней мере, отчасти приспособленными к происходящим изменениям. Однако те, кто привязан к Балаклаве, в которой жизнь менее динамична, чем в большом городе (Севастополе), более чувствительны к изменениям городской среды. Это объясняется тем, что познавательная способность человека основана на восприятии различий, то есть его сознание возбуждается восприятием разницы между переживаемым впечатлением и непосредственно предшествовавшим [Зиммель, 2002].

Отметим, что Балаклава до 2014 года находилась в составе Украины. Поэтому в нарративах жителей мы наблюдали сравнение украинского периода жизни города с российским. Опрошенные балаклавцы отмечали положительные изменения после присоединения Севастополя к Российской Федерации:

«Раньше было все очень плохо, было болото, потом стали строить» (ж., 60 лет, жительница Балаклавы, 28.09.2021);

«Сделали детские площадки, отреставрировали Дом культуры, улучшили парки, отремонтировали дороги, снесли кирпичный завод» (м., 50 лет, житель Балаклавы, 19.09.2021 г.);

«При Украине ни одного камушка не подняли. Небо и земля» (ж., 45 лет, жительница Балаклавы, 19.09.2021).

Преобразование городской территории способно сформировать новые социальные практики, а новые социальные практики, в свою очередь, способны преобразовать старую городскую территорию [Борисова, 2018]. Несмотря на имеющиеся проблемы, жители с надеждой смотрят на изменение городского пространства:

«Хватит быть деревней — пора становится городом... Нас, Севастополь, подтягивают к Петербургу» (ж., 60 лет, жительница Балаклавы с 1975 года, 02.10.2021).

3. Труд и занятость в контексте трансформации города

Экономическим, досуговым и коммуникативным центром для балаклавцев является Севастополь. Местные жители перемещаются между городами, что отнимает время и создает нагрузку на транспорт (как личный, так и общественный).

В Балаклаве основу рынка труда составляют обслуживающие профессии. В связи с этим информанты отмечали, что сложно получить поддержку для малого бизнеса из других сфер (например, рыбного промысла).

«Субсидии не дают, хотя я плачу налоги в местный бюджет и создаю рабочие места городу» (м., 35 лет, житель Балаклавы).

Люди, не занятые в сфере обслуживания, либо ездят на работу в Севастополь, либо уезжают в другие регионы России из-за нехватки рабочих мест по своей специальности. Однако в летний сезон из-за большого потока туристов отмечается временный приток работников сферы обслуживания.

В целом удаленность работы от места жительства является особенностью профессиональных практик жителей Балаклавы. Когда город был закрытым, рабочие места предоставляли в основном Рудоуправление и Вооруженные силы СССР. Работа находилась недалеко от места жительства и не было необходимости перемещаться в другой город. Изменение специализации занятий повлекло нарушение внутренней взаимозависимости и равновесия городской жизни. В настоящее время большая часть населения Балаклавы работает в Севастополе и каждый день тратит значительное время на дорогу до рабочего места и обратно:

«Сын работает в Севастополе на военном заводе. Утром нормально на машине, а вечером такие пробки» (ж., 78 лет, жительница Балаклавы с 1961 года, 28.09.2021);

«Молодежи заняться тут нечем, работы нет. Мои дети и их друзья работают в городе Севастополе» (ж., 60 лет, жительница Балаклавы с 1975 года, 02.10.2021).

После распада СССР стали закрываться военные объекты и заводы, туристическая среда формировалась стихийно. За этим последовали потеря рабочих мест и приспособление местных жителей к новым условиям: территории бывших военных объектов и заводов обустроивались под экскурсионные объекты (например, появился Военно-исторический музей фортификационных сооружений), фокус работы сменился на сферу обслуживания. Так, молодые информанты отмечали наличие работы только в сфере продажи и услуг, мнения насчет заработной платы различаются: кто-то считает ее низкой, а кто-то высокой.

«С работой и зарплатой плохо. Если хочешь работать, то только в сфере продажи и услуг. Больше здесь нигде» (м., 25 лет, житель Балаклавы, 19.09.2021);

«Живу здесь месяц, переехала из Питера для работы су-шефом в ресторане. Был еще вариант устроиться в Москву на эту же должность, но там низкая зарплата. В Балаклаве высокая зарплата» (ж., 26 лет, временно живет в Балаклаве, 19.09.2021).

Исходя из интервью с информантами, мы выяснили, что в Балаклаву многие приезжают работать с материка, а местные, наоборот, уезжают работать на материк:

«Внучка отучилась на менеджера, была недовольна работой в Балаклаве, так как здесь только работа на побегушках, и из-за этого молодые уезжают в Москву на заработки. Моя тоже уехала, довольная теперь» (ж., 75 лет, жительница Балаклавы с 1961 года, 28.09.2021);

«Работы нет, сюда приезжают с материка “инопланетяне”, а наши уезжают на материк» (м., 70 лет, житель Балаклавы с 1956 года, 28.09.2021).

Эту ситуацию можно объяснить преобладанием работы в сфере продажи и услуг, которая к тому же является сезонной (весна — лето), поэтому для приезжающих с материка есть возможность заработать и уехать обратно, а местные остаются зависимыми от потока туристов и живут на деньги, заработанные в сезон. Городским жителям не хватает рабочих мест в других отраслях, не связанных с туризмом, поэтому молодое поколение стремится уехать в другие города, где полученная специальность востребована, а старшее поколение в основном ездит работать в Севастополь.

4. Сфера досуга в контексте трансформации города

В период, когда Балаклава была закрытым городом, центром проведения досуга местных жителей являлась городская набережная, где было разнообразие развлекательной деятельности (танцы и песни, кинотеатр, оркестр и др.). Местные жители собирались на набережной и ходили на ближайшие пляжи или в походы, представители старшего поколения говорили, что они *«выросли в воде»*. Набережная была не только досуговой точкой, на ней устанавливались социальные связи:

«Досуг раньше проводили так: танцы на набережной, там знакомились, женились» (м., 70 лет, житель Балаклавы с 1956 года, 28.09.2021);

«Раньше была танцплощадка, радио не нужно было. Песни пели, оркестр. Находили пары. Вся жизнь там. А сейчас нет танцев на ней даже» (ж., 82 года, жительница Балаклавы с 1974 года, 28.09.2021).

В данный момент горожане отмечают дефицит доступного досуга и интересного времяпрепровождения. При этом происходит коммерциализация общественных пространств, которые нацелены на туристов:

«Раньше ходить куда угодно можно было бесплатно, в разные клубы, сейчас все платно, одни экскурсии» (ж., 82 года, жительница Балаклавы с 1974 года, 28.09.2021).

Представители старшего поколения испытывают трудности с местами для досуга и отмечают, что ранее существовавшие досуговые места теперь находятся в непригодном состоянии или изменили свое назначение, например кинотеатр «Родина», танцплощадка или водолазный клуб. Едва ли не единственным возможным вариантом для проведения досуга маломобильных горожан остаются парки (в частности, парк у Дома культуры):

«Раньше ходили купаться в море на “лягушатник”, а как на пенсию вышла — так все, только в парке и провожу время» (ж., 75 лет, жительница Балаклавы с 1961 года, 28.09.2021);

«Старики все в парках сидят отдыхают» (ж., 60 лет, жительница Балаклавы с 1975 года, 02.10.2021).

Отметим, что и молодежь Балаклавы не очень удовлетворена возможностями для досуга и чаще проводит свободное время в центре Севастополя или в других более крупных городах, где расположены развлекательные центры и спортивные клубы:

«Построили площадку для футбола, но сделали очень некачественно, она сразу испортилась. Здесь делать нечего, все интересное в Севастополе» (м., 25 лет, житель Балаклавы, 19.09.2021);

«Для молодежи вообще ничего, досуга нет. Внучка только с папой тут по горам погулять может или в Ялту уехать» (ж., 75 лет, жительница Балаклавы с 1961 года, 28.09.2021).

5. Привязанность к городским местам в условиях трансформации их функций

Большинство людей привыкают к месту, в котором живут, и обрастают паутиной социальных, экономических, соседских взаимосвязей [Вагин, 2000: 35]. В Балаклаве для жителей старшего возраста есть несколько «уникальных» мест, обладающих особым психологическим компонентом. Например, набережная с танцплощадкой, некоторые природные места («лягушатник», «спящая красавица»), которые в данный момент изменили или приобрели новые социальные функции. Так, из функции коммуникационной (социальной)

произошел переход к экономической, проявляющейся в извлечении прибыли со сферы услуг. На набережной появились рестораны, кафе, услуги прогулок на катере, общественный пляж стал использоваться для стоянки частных катеров. Природные места стали общедоступными для туристических групп. Некоторые места, например кинотеатр «Родина», утратили свою социальную функцию в связи с аварийным состоянием здания. Помимо социальных функций изменилась и социальная группа: молодежь приспособила эти места под себя.

Коммуникативные практики некоторых жителей представляют собой попытку сохранить старые, привычные социальные связи. Так, посещение магазинов, обмен сведениями о том, где можно купить что-то полезное, необычное и со скидкой, важны еще и в силу быстрых перемен на рынках товаров [Трубина, 2011: 264]. Яркий пример данного явления в Балаклаве — практики покупки только у знакомых продавцов:

«Еда гораздо хуже, чем когда город был закрыт, поэтому доверяю только проверенным продавцам и покупаю продукты у них» (м., 60 лет, житель Балаклавы, 02.10.2021).

В целом, исходя из настроений и мнений опрашиваемых о трансформации городской среды, местных жителей можно условно разделить на три группы: недовольные, удовлетворенные и безразличные. Недовольные — это те, кто воспринимает происходящие изменения города негативно. Недовольные считают, что изменений нет или они незначительны; при этом, что парадоксально, они боятся, что город потеряет свою идентичность из-за трансформаций городского пространства; боятся, что в город проникнут «чужаки», которые будут игнорировать привычный уклад жизни в городе:

«Ничего не меняется. Грязно, не убрано, мусор не вывозят, парки затоплены после каждого дождя. Город уйдет под воду при следующем дожде» (ж., 45 лет, жительница Балаклавы, 19.09.2021);

«В округе сделали недавно сквер, который мне не нравится. Было много зелени, а они выскребли все и сделали плохо. Должны быть поребрики, а их нет. Как дождь, то грязь вся течет. Безобразно делают, такие деньги тратят, а смотреть не на что» (ж., 75 лет, жительница Балаклавы с 1961 года, 28.09.2021).

Жалуются также на «чужаков», которые портят природный ландшафт и загрязняют окружающую среду:

«Из-за реконструкции будет много пластика, мусора... На набережной здания не надо сносить, их нужно привести в порядок» (м., 70 лет, житель Балаклавы с 1956 года, 28.09.2021).

Еще информанты с горечью и грустью описывают неотреставрированную башню Чембало:

«Башни не реставрируют ни в нашу, ни в вашу молодость. Смотреть нечего» (супруги, около 40 лет, жители Балаклавы, 29.09.2021).

Вторая группа — это те жители, которые удовлетворены происходящими изменениями. Среди опрошенных нами удовлетворенных оказалось больше, чем недовольных, они охотно отмечают улучшение инфраструктуры города: появление досуговых мест для семей (детских площадок, обновленных парков и скверов), развитие транспортной системы (расширение парковочных мест, ремонт дорог). Удовлетворенные жители с надеждой смотрят на будущие преобразования города и положительно воспринимают изменения:

«Конечно, меняется, но видно только спустя время» (ж., 40 лет, жительница Балаклавы, 19.09.2021);

«Город стал более ухоженный, шесть лет назад положили дороги» (ж., 35 лет, жительница Балаклавы, 19.09.2021).

Третья группа — безразличные (незаинтересованные в жизни города). Люди из этой группы не испытывают каких-либо ярко выраженных чувств по отношению к городу и не реагируют на трансформацию городской среды. Также к этой группе можно отнести информантов, которые либо ничего не знают о реконструкции, либо *«недостаточно местные»* (самоопределение некоторых жителей). Например:

«Ну, хотят и хотят строить, меня не волнует» (м., 60 лет, житель Балаклавы, 02.10.2021);

«Ребята, мы не настолько местные, чтобы что-то сказать» (супруги, около 30 лет, жители Балаклавы, 02.10.2021).

Заключение

Город Балаклава прошел путь от индустриального формата к туристическому и продолжает меняться. Когда город был закрытым, государство отвечало за создание определенных условий для работы и досуга жителей. После открытия города произошел сдвиг в структуре занятости, стала стихийно формироваться туристическая среда, запустив процессы коммерциализации общественных пространств и джентрификации.

Разделение местных жителей по их отношению к динамике городского пространства помогает увидеть базовые адаптационные стратегии. Так, группа «удовлетворенных» активнее адаптирует обновленное городское

пространство под свои нужды, в то время как группа «недовольных» либо винит во всем «чужаков», либо отрицает положительные стороны изменений и переносит часть повседневных практик в другие города. Группа «безразличных» не предпринимает никаких действий и взаимодействует с городскими объектами как прежде, вне зависимости от их изменений.

Литература

Арляпова П. А., Родионова Е. В. Джентрификация и трансформация современного городского пространства (на примере российских городов) // Молодежь, наука, технологии: новые идеи и перспективы. Т.: ТГАСУ, 2016. С. 13–16. EDN: YGENIJ

Афанасьев К. С. Джентрификация и реиндустриализация в развитии городской территории // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 6. № 2. С. 48–60. EDN: TDXPOF

Борисова О. А. Публичное пространство города как реализация горожан «права на город» // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. № 4. С. 459–465. EDN: VPEZGS

Вагин В. В. Городская социология. М.: МОНФ, 2000. EDN: VXHJSB

Веретенников Д. Б., Кузнецов И. В. Возрождение старых промышленных городских кварталов в контексте процессов джентрификации // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8. С. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.98.8.034> EDN: WLKGRE

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 1997. № 3. С. 169–196.

Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.

Горбачевская Е. Ю. Нарративы западной и российской джентрификации: общее и особенное // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8. № 2. С. 151–170. DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.8.2.112240> EDN: BWDDZL

Замятина Н. Ю., Плясов А. Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый хронограф, 2013. EDN: SUOTMB

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4. С. 23–34.

Ожегова Л. А., Боряк Г. В. Керчь как промышленный и рекреационный центр: проблемы современного развития // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: География. 2013. Т. 26. № 2. С. 135–143. EDN: UMNJUZ

Ракачева Я. В. Работа в структуре повседневных практик городского жителя // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Е.: УрФУ, 2017. С. 1785–1794. EDN: ZWZINB

Романычев И. С. Теория практик в исследованиях социальных служб // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1. С. 99–109. EDN: SMFSRJ

Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Шалина Д. С., Степанова Н. П. Реновация, редевелопмент, ревитализация и джентрификация городского пространства // Фундаментальные исследования. 2019. № 12. С. 285–289. EDN: TKKRZT

Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13. EDN: KTUKLJ

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.

Park R. E., Thomas W. I. Participation and Social Assimilation // Source Book for Social Psychology / Ed. by K. Young. New York: A. A. Knopf, 1927. P. 47–53.

Сведения об авторах:

Савина Зоя Сергеевна — ассистент, кафедра социально-философских наук и массовых коммуникаций, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия. **E-mail:** zoya.savina.1995@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 1078012; **ORCID ID:** 0000-0001-7371-3384.

Ивакина Алина Юрьевна — студентка, образовательная программа «Социология», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия. **E-mail:** lina.ivakina.02@mail.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-1659-0039.

Паламарчук Диана Витальевна — студентка, образовательная программа «Социология», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия. **E-mail:** di.pa2017@yandex.ru.

Смаль Александр Ростиславович — студент, образовательная программа «Социология», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия. **E-mail:** alexsmal2003@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2022

Принята к публикации: 10.09.2023

БАК: 5.4.4

.....

**Urban Space in the Everyday Practices of Citizens:
The Case of Balaklava**

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.3

Zoya S. Savina Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
E-mail: zoya.savina.1995@mail.ru

Alina Yu. Ivakina Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
E-mail: lina.ivakina.02@mail.ru

Diana V. Palamarchuk Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
E-mail: di.pa2017@yandex.ru

Alexander R. Smal Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
E-mail: alexsmal2003@mail.ru

This article examines the transformation of the urban environment of Balaklava, as part of the Balaklava district of Sevastopol, and its impact on the daily practices of citizens. Authors describe the perception of the reconstruction of Balaklava by local residents. In the course of the author's research (31 semi-structured interviews), it was found that the commercialization of urban

spaces is taking place, which completely changes the type of city — from a closed military-industrial to an open tourist one. This is facilitated, among other things, by gentrification, which manifests itself in the gentrification of urban areas, the reconstruction of the city's waterfront and the adaptation of new spaces for tourism purposes. The everyday practices of citizens, which consist of professional duties, leisure and communication practices, are also undergoing changes, as they are influenced by urban space. In the course of the analysis, the informants were divided into three groups: dissatisfied, satisfied and indifferent, each of which has its own characteristics, but at the same time they all adapt to the changes that have occurred.

Keywords: urban environment; commercialization; gentrification; everyday practices; professional practices; leisure and communication practices; transformation of the city

References

- Arlyapova P.A., Rodionova E.V. (2016) Dzhentifikatsiya i transformatsiya sovremennogo gorodskogo prostranstva (na primere Rossijskikh gorodov) [Gentrification and Transformation of Modern Urban Space (the Example of Russian cities)]. In: *Molodezh, nauka, tekhnologii: novye idei i perspektivy* [Youth, Science, Technology: New Ideas and Prospects]. Tomsk: TGSU. P. 13–16. (In Russ.)
- Afanasiev K.S. (2014) Dzhentifikatsiya i reindustrializatsiya v razvitii gorodskoj territorii [Gentrification and Re-industrialization in the Urban Development]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 6. No. 2. P. 48–60. (In Russ.)
- Borisova O.A. (2018) Publichnoe prostranstvo goroda kak realizatsiya gorozhan "prava na gorod" [Public Space of the City as the Realization of the Citizens' "Right to the City"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodny'e otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations]. Vol. 2. No. 4. P. 459–465. (In Russ.)
- Gold J. (1990) *Psihologiya i geografiya: Osnovy povedencheskoj geografii* [Psychology and Geography: an Introduction to Behavioural Geography]. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gorbachevskaya E. Yu. (2021) Narrativy zapadnoj i Rossijskoj dzhentifikatsii: obshchee i osobennoe [Narratives of Western and Russian Gentrification: General and Special]. *Zhilishchnye strategii* [Russian Journal of Housing Research]. Vol. 8. No. 2. P. 151–170. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.8.2.112240>
- Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
- Ozhegova L.A., Boryak G.V. (2013) Kerch kak promyshlennyj i rekreacionnyj centr: problemy sovremennogo razvitiya [Kerch as Industrial and Recreational Centers: Problems of Modern Development]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Tavrichesky National University. Series: Geography]. Vol. 26. No. 2. P. 135–143. (In Russ.)
- Park R.E., Thomas W.I. (1927) Participation and Social Assimilation. In: K. Young (ed.) *Source Book for Social Psychology*. New York: A. A. Knopf. P. 47–53.
- Rakacheva Ya.V. (2017) Rabota v strukture povsednevnykh praktik gorodskogo zhitelya [Work in the Structure of the Daily Practices of the City Hostor]. In: *Kultura, lichnost, obshchestvo v sovremenom mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research]. Ekaterinburg: UrFU. P. 1785–1794. (In Russ.)
- Romanychev I.S. (2014) Teoriya praktik v issledovaniyah socialnykh sluzhb [The Theory of Practices in Studies of Social Services]. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 2. No. 1. P. 99–109. (In Russ.)
- Schutz A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniya [The Structure of Everyday Thinking]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2. P. 129–137. (In Russ.)
- Shalina D.S., Stepanova N.R. (2019) Renovatsiya, redevelopmen, revitalizatsiya i dzhentifikatsiya gorodskogo prostranstva [Renovation, Redevelopment, Revitalization and Gentrification of Urban Space]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research]. No. 12. P. 285–289. (In Russ.)

Simmel G. (2002) Bolshie goroda i dukhovnaya zhizn [Big Cities and Spiritual Life]. *Logos. Zhurnal po filosofii i pragmatike kultury* [Journal of Philosophy and Pragmatics of Culture]. No. 3–4. P. 23–34. (In Russ.)

Sztompka P. (2009) V fokuse vnimaniya povsednevnyaya zhizn: novyj povorot v sociologii [The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8. P. 3–13. (In Russ.)

Trubina E. G. (2011) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City in Theory: Essays on Urban Space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Vagin V. V. (2000) *Gorodskaya sociologiya* [Urban Sociology]. Moscow: MONF. (In Russ.)

Veretennikov D. B., Kuznecov I. V. (2020) Vozrozhdenie starykh promyshlennykh gorodskikh kvartalov v kontekste processov dzhentrifikacii [The Revival of Old Industrial Urban Neighbourhoods in the Context of Gentrification Processes]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. No. 8. P. 6–12. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.98.8.034>

Wirth L. (1997) Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a Way of Life]. *Socialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriy 11: Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. No. 3. P. 169–196. (In Russ.)

Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. (2013) *Rossiya, kotoruyu my obreli: issleduya prostranstvo na mikrourovne* [The Russia We Found: Exploring Space at the Micro Level]. Moscow: Novyj hronograf. (In Russ.)

Authors bio:

Zoya S. Savina — Assistant, Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

E-mail: zoya.savina.1995@mail.ru. **RSCI Author ID:** 1078012; **ORCID ID:** 0000-0001-7371-3384.

Alina Yu. Ivakina — Student, Bachelor Program in Sociology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia. **E-mail:** lina.ivakina.02@mail.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-1659-0039.

Diana V. Palamarchuk — Student, Bachelor Program in Sociology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia. **E-mail:** di.pa2017@yandex.ru.

Alexander R. Smal — Student, Bachelor Program in Sociology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia. **E-mail:** alexsmal2003@mail.ru.

Received: 18.10.2022

Accepted: 10.09.2023

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.4
EDN: JJBEUX

Representations of Moscow Residents about the Functions of RFID Microchips and the Risks Associated with Their Implantation

Ссылка для цитирования:

Ianokaeva A. Representations of Moscow Residents about the Functions of RFID Microchips and the Risks Associated with Their Implantation // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 65–79. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.4> EDN: JJBEUX

For citation:

Ianokaeva A. (2023) Representations of Moscow Residents about the Functions of RFID Microchips and the Risks Associated with Their Implantation. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 65–79. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.4>

Ianokaeva Alina

HSE University,
Moscow, Russia

E-mail: a.yanokaeva@gmail.com

Microchips implanted into the body could be one of the next steps in developing technology that reflects body health indicators, identifies people, and simplifies daily tasks. The COVID-19 pandemic and the vaccination against the virus have brought the phenomenon of microchip implantation to the forefront of media and consciousness. In the article we identify opinions about the functions and risks of RFID microchips based on interviews with Moscow residents (14 in-depth interviews conducted between March and April 2022). According to the empirical data, the identification function aids a person in remembering all their documents, while the storage of medical information is genuinely helpful but rarely used in daily life. While carrying out routine tasks does not seem serious to the informants, it also enables them to fully appreciate the value of the microchip. Additionally, it was discovered that while some groups of informants considered health, privacy, and hacking risks to be important, they did not find physical robbery, inequality, or religious issues to be frightening or to be particularly significant.

Keywords: microchip; RFID microchip; functions and risks of RFID microchips; residents of Moscow

To maintain existence in the modern world, one needs a variety of accounts, passwords, and electronic cards. This is one of the prerequisites for the decree of the President of the Russian Federation for the introduction of electronic passports¹. Implanting chips into the body could be the next development in technology for personal identification, reflecting the body's health indicators, and making daily tasks easier². Microchips with RFID technology are rice grain-sized implants that people integrate into their bodies. People can use RFID microchips to perform the following tasks: identification [Gauttier, 2018], payment for purchases, storage of medical data [Fisher, Monahan, 2008; Baker, 2016; Archipova, Kuchmaeva, 2018], everyday tasks (opening/closing doors, unlocking smartphones/laptops).

The introduction of microchips has already begun to spread actively in some countries. The most complete example is Sweden's experience³, where since 2015 biochips have been implanted into the body to solve a list of different tasks. Another case is Belgium⁴, where people use microchips that contain information about their bank accounts. Companies that offer to buy and/or implant RFID microchips already exist in Russia⁵.

RFID as biomedical technology is influenced by many factors, including the opinion of the population as the final users of these innovations [Nelson, Winter, 1982]. COVID-19 pandemic and vaccination against this virus have actualized the phenomenon of microchip implantation. For example, "new Masons" theory was spreading that the government announced mandatory vaccination in order to "chip" the population. According to Yandex, this myth is found in 27% of requests for fakes and other speculation about coronavirus and vaccination⁶. Russian research company VTSIOM⁷ found that most people were aware of the implantation of microchips (84%), and almost 80% of them had a negative attitude to this technology.

Thus, even though Russia and the whole world are on the path of innovative development, allowing the mass distribution of medical RFID microchips, the population is wary of them. Due to the lack of research on this topic, we cannot

¹ Ukaz prezidenta Rossijskoj Federacii o pasporte grazhdanina Rossijskoj Federacii, sodержashhem elektronnyj nositel informacii [Decree of the President of the Russian Federation on the Passport of a Citizen of the Russian Federation Containing an Electronic Data Carrier]. URL: <https://turov.pro/wp-content/uploads/2021/04/proekt-ukaza-prezidenta-rf-o-pasporte-grazhdanina-rossijskoj.pdf> (accessed 20 October 2021)

² Informacionno-kommunikacionny'e texnologii [Information and Communication Technologies] // Globalnye texnologicheskie trendy [Global Technological Trends]. URL: [https://www.hse.ru/data/2015/04/27/1098311314/Trendletter%20%235%20\(2015\)_final.pdf](https://www.hse.ru/data/2015/04/27/1098311314/Trendletter%20%235%20(2015)_final.pdf) (accessed 20 October 2021)

³ Thousands of People in Sweden Get Microchip Implants for a New Way of Life // World/Europe. URL: <https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2145896/thousands-people-sweden-get-microchip-implants-new-way-life> (accessed 20 October 2021)

⁴ V Belgii nachalos chipirovanie lyudej [In Belgium the Chipping of People Has Begun] // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/v_belgii_nachalos_chipirovanie_lyudej_4815299 (accessed 20 October 2021)

⁵ Implant-Chip. URL: <https://implant-chip.ru/> (accessed 01 February 2022)

⁶ Infodemiya v epoxu koronavirusa [Infomedia in the Era of Coronavirus] // Yandex. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/covid-fakes> (accessed 01 October 2021)

⁷ Chipizaciya: (ne)prizrachnaya ugroza? [Chipization: (not)a Phantom Threat] // VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chipizaciya-neprizrachnaya-ugroza-> (accessed 11 November 2021)

understand the depth of this attitude. So, our research question arises: what representations about the functions and risks of RFID microchips have been formed among the population of Moscow against the background of the COVID-19 pandemic? We argue that RFID microchip causes fear among the population, because it is an invasive innovation (one that penetrates the body). It is also expected that people without higher education will broadcast more generalized concerns and risks when implanting an RFID microchip compared to people with higher education. Moreover, we expect that people with different socio-demographic characteristics will have different representations.

New Technologies and Representations about Microchips

Representations about microchips can be considered from the side of a new technology on the market, as well as from the side of the sociology of the body, such as the object that is implanted in the body. The Technology Acceptance Model (TAM) introduced by Fred Davis [Davis, 1989] is the dominant model for the study of factors influencing the adoption of technologies [Marangunic N., Granic A., 2015].

This model is typically used to perform a quantitative evaluation of the predictors, for instance Slovenian researchers used this framework to create a questionnaire [Werber, Znidarsic, 2015; Werber, Baggia, Znidarsic, 2018]. But it is also interesting to analyze predictors from TAM (Perceived ease of use, Perceived usefulness, Perceived trust, Behavioral Intentions to Use, and Health concerns) in qualitative research.

The following risks are connected to the use of microchip implants with the aforementioned functionality:

- Social risks [Monahan, Fisher, 2010] — possible inequality between people with and without microchips;
- Risks associated with violation of human privacy [Michael, Michael, 2006; Lockton, Rosenberg, 2005; Michael, Michael, 2009];
- Health-related risks [Gadzheva, 2007; Katz, Rice, 2009; Foster, Jaeger, 2007] — unknown consequences that can be detected in the short and long term due to an exterior body,
- Risks of robbery [Neumann, Peter, Lauren, 2007].

Cultural and religious issues¹ — in some cultures, incisions on the skin are prohibited marks.

According to the new technology approach [Werber, Baggia, Znidarsic, 2018], weighing risks when using technology plays an important role at the individual level of technology adoption [Hudson, Caplanova, Novak, 2015]. If a person is aware that using a new technology has personal benefits that outweigh any potential risks, he or she can adopt a positive attitude towards it. On the other hand,

¹ RFID: Sign of the (End) Times? // Wired. URL: <https://www.wired.com/2006/06/rfid-sign-of-the-end-times/> (accessed 07 February 2022)

someone who does not personally require this technology might be opposed to it because he or she is aware of the negative effects in the global perspective [Barnett, Cooper, Senior, 2007].

Potential users are worried about privacy concerns, the security of their personal information, and the effects of implants on their health. The presence of negative experiences or instances where government agencies used methods of controlling people without their knowledge are important factors [Werber, Baggia, Znidarsic, 2018].

It is impossible not to mention the sociology of the body, as microchips are implanted into the human body. Since the mid-20th century, medical technologies have demonstrated how the body, as a biomedical object, starts to change because of medicalization. As a result, the body is no longer unchangeable and untouchable [Voynilov, Polyakova, 2016].

There are some other theoretical foundations which are frequently used to investigate new technologies and their integration into the body, for example, bio-politics (M. Foucault) and digital capitalism (S. Zuboff). The focus of these theoretical perspectives is also important for further research.

Research methodology

We use the qualitative methodology to conduct the research in connection with the specifics of the study — the focus is on deep understanding of functions and risks, as well as representations about them. We chose semi-structured interviews to collect data. We collected data between March and April 2022. The sampling of the study included residents of Moscow because, firstly, the regions of our country have different levels of readiness for innovation. When choosing the capital as the geography of the recruit, it was possible to get a more complex picture, because people in this city are most affected by innovations. Secondly, little research has been done on how Russians perceive microchips and how they feel about them, so we decided to start with the capital as the most innovation-ready center of the country.

We decided to examine a typical case sampling so that we could establish a foundation for future research. The VTSIOM survey results¹, the only study available at the time of writing this article, served as the basis for the typical case sampling. We chose an inductive understanding of the typical: the most common signs — informants who have heard something about microchips, but are unaware of the details about them, and a negative attitude about RFID microchips. In order to achieve the diversity of the typical case sampling, we decided to select informants with different socio-demographic characteristics by gender, age and education. People with higher education and without it were invited, as it was expected to see different representations about RFID microchip technology. For

¹ Chipizaciya: (ne)prizrachnaya ugroza? [Chipization: (not)a Phantom Threat] // VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chipizaciya-neprizrachnaya-ugroza-> (accessed 11 November 2021)

example, among Russians, those with lower levels of education are more frequently afraid of secret “chipping” through vaccination against COVID-19. Additionally, people with higher education are more open to innovation [Pishnyak, Khalina, 2021], so they might perceive this technology differently than those without higher education.

This work has exploratory nature because there were no qualitative research works studying the people’s attitude to the microchips, so the goal of this research was to look at the typical opinions, but not at the extreme ones. It will help to describe the features of the representatives which are not fully included in quantitative research works because they are usually aimed to determine the factors of making a decision to implant a microchip. Based on the earlier studies, it was not possible to draw any conclusions about the groups of people.

The final sampling included 14 people: 8 men and 6 women, 8 people with higher education and 6 people without higher education. 4 informants in the age range of 18–24 years and 25–34 years, 3 informants in the intervals of 35–44 years and 45–59 years. In the process of data collection, the interviews were coded, and the information received was reflected. We revealed that the personal characteristics of people affect the features of meaningful ideas about RFID microchips more than socio-demographic characteristics as it had been assumed before the field works started. For this reason, special attention was paid to the following qualitative characteristics of informants. The sampling can be divided into three groups based on the level of interest in the subject of innovations and new technologies: strongly interested (5 people), slightly interested (4 people), and not interested (5 people). A group of those who do not trust the state (5 people), those who have a strongly negative attitude to interventions in the body (4 people), as well as a group of older people are selected separately (3 people). We applied a “snowball” strategy to recruit participants. The next investigations may recruit extreme groups of people with different attitudes to microchips including people who are ready to implant them, deeply religious people, as well as people who believe in the conspiracy theories about vaccination.

We developed a guide using The Technology Acceptance Model (TAM), including possible threats using the RFID microchips and a person’s confidence that the state, banks, and healthcare systems will be able to ensure the security of confidential data.

We used deductive and inductive thematic analysis techniques: functions and risks were divided into categories based on theoretical reviews of the literature and earlier studies, as well as new categories were added directly from the data if participants suggested additional functions or risks.

Representations about the functions of RFID microchips

In this part we would like to provide the results of the research. We divided the representations into groups depending on the characteristics of the informants in order to better understand the specifics of the representations about

RFID microchips. As a result, two groups were distinguished based on their level of interest in innovations: those who were interested and those who were not, as well as a group of people who did not trust the government and those who had a strong negative opinion of body interventions. We conclude that people did not trust the state based on the informants' arguments during the interview because there were no direct questions about it in the guide. There are no features in the representations of people with and without higher education, who are interested in innovations to an average degree, people of different ages, men and women.

At the beginning of the interview, we discussed what microchips are, people's ideas about them and why people need them. Informants typically knew or at least guessed about some of the functions of microchips. After the assumptions of the informants, we gave them a definition of RFID microchips, so all the participants were in the same semantic field. Then we discussed the functions that microchips can perform. The functions of identification, storage of medical data, payment for purchases and everyday tasks were offered for discussion during the interview. In addition, informants could assume other functions that are not in this list and express their ideas about them.

1. Function — identification

Basically, informants note such a feature of microchips in the aspect of identification that it cannot be lost or forgotten. People who face such problems in life most actively say this thesis:

"I forget everything a lot, it would help me, I would not worry, I forgot something, I did not forget" (m., 39 years old, higher education, 04.21.2022).

Similar conclusions are in the study of the Slovenian population [Werber, Baggia, Znidarsic, 2018]. The microchip is helpful because it enables people to "not bother", it is associated with simplifying life, and eliminates the need to recall documents and confirm their availability.

The fact that the microchip is always with you and it is impossible to forget it, at the same time, has the reverse side of the coin: informants are concerned that they cannot turn off or left the microchip at home:

"As if all this can be turned off, but the chip cannot, that it is always with you and yes, there is truth in this. The fact that it is impossible to turn it off, leave it or do something with it" (w., 32 years old, without higher education, 04.22.2022).

Another feature is that the microchip allows people not to carry the entire package of documents with you. In this sense, a microchip does for a person what he himself does not need to do daily.

2. Function — storage of medical data

According to informants, the ability to store medical data is very beneficial because it is connected to maintaining health and saving lives, and it can be

especially helpful in emergency situations. In addition, people appreciate this feature because it will help with document flow, which they dislike and do not want to do. Unfortunately, not everyone sees the applicability of this function for themselves since emergency situations happen infrequently. According to a study by Slovenian researchers [Werber, Baggia, Znidarsic, 2018], participants are most willing to use a microchip for medical purposes, which does not match the outcomes we found.

3. Function — payment for purchases

Informants who are interested in innovations consider this function as “cool”:

“Payment is more fun, that is, an extra point” (m., 23 years old, without higher education, 04.14.2022).

This function only makes sense to them as an addition to other functionality. The protection of personal data is the main issue.

Informants who are not interested in new technologies recall that there are several ways that simplify the payment process. Informants reflect and find it interesting that each new payment method “simplifies” this process, accordingly, it will become even more convenient to make purchases with a microchip. This feature is particularly useful now when Apple Pay is not working in Russia anymore.

4. Function — everyday tasks

Typically, informants do not take this function seriously. They refer to it as “naughtiness” and they emphasize that carrying out daily tasks like opening doors and answering phones are “not complicated” and “not difficult” for them to do. As a result, they do not require a microchip for such tasks because their implementation is already simple and does not require further simplification. At the same time, informants report that a microchip would be most relevant for tasks that a person performs every day, only then they can use its full value. Thus, the microchip will help to make a person’s “routine”.

5. New additional features

Informants would be interested if the microchip worked abroad and could replace a foreign passport:

“Some kind of passport. It would be very convenient. It will be possible to be a man of the world, awesome” (w., 25 years old, without higher education, 04.18.2022).

This would strengthen globalization. Additionally, this microchip function would facilitate quicker document verification, airport security, and hotel check-in.

When discussing the purposes of RFID microchips, informants contend that it would be fascinating for them to possess a microchip that could keep track

of their general health status, the condition of their internal organs, and basic health indicators. They consider this function really unique.

It is interesting that the current functions of microchips do not attract, as they are not unique. The functions that the microchip currently performs do not attract informants who are fans of technology:

"In general, I consider the functionality to be partially useless in its current form. Why perform such a complex multi-pass just to read some information?" (m., 36 years old, higher education, 04.16.2022).

That is, the implantation of a microchip itself is *"not justified"* while there are alternatives to this technology. Informants believe that the microchip should have a unique functionality. If irreplaceable functions appear in the microchip, it will make a person's life more comfortable and happier, and it will become a *"thing"* or *"chip"*

Representations about the risks associated with the implantation of RFID microchips

At first, the informants assumed what risks take place when implanting a microchip, and then we offered the following risks for discussion: health risk, risk of privacy violation, risk of hacker attacks, risk of physical robberies, risk of inequality, and religious issues.

1. Health risk

The risk of negative effects on the body is very serious, respectively, this is the main question about the consequences of the implantation of RFID microchips. The study of Andersson and Bengtsson [Andersson, Bengtsson, 2019] shows that the health risk and the risk of new crimes do not frighten respondents, however, health risks were mentioned in our study. The possibility of infection and negative health consequences is also described in Kazmeyer's article¹.

Based on the risks which people mentioned, we can distinguish two types of anxiety — side effects in the short term, which can be noticed immediately, and in the long term, that after a long time, people realize that microchips have an impact on their health. In the first case, people talk about almost instant supuration, allergies to metal. In the second case, informants see a greater threat, since this negative influence will only increase, have a *"cumulative effect"*:

"And only after years, decades, we learn that these chips have a detrimental effect on our body. After a huge amount of time. And, perhaps, because of this, some kind of total infection, a total disease will grow, which will have a harmful effect" (m., 24 years old, without higher education, 03.18.2022).

¹ The Advantages and Disadvantages of Implantable RFID Tags // It Still Works. URL: <https://itstillworks.com/advantages-disadvantages-implantable-rfid-tags-18587.html> (accessed 01 February 2022)

Informants discuss “harmful and side effects”, “discomfort”, “rejection”, “interference”, “costs”, “dangers” in the context of health, all of which are very serious consequences. These metaphorical, emotionally charged words emphasize the serious danger and worry that informants face. In contrast, informants who are interested in technology are not afraid of harm to the body, as they know about the existence of safe surgical technologies for implantation into the body.

Informants worry not only about the microchip’s detrimental effects on human health but also about the possibility that they or the environment could negatively impact the microchip and cause to its breakdown.

Informants, who have a negative attitude to implantation into the body, most emotionally express their opinion:

“This will violate the integrity of my body, I do not like anything exterior in my body, this is specifically my personal rejection” (w., 52 years old, without higher education, 2.04.2022).

2. Risk of privacy violation

If we do not consider the specific group features of representations about location tracking, informants do not see a real danger in it. People admit that they do not break the law, so it is not a problem for them that the state will know their location. People also don’t think the government will monitor every citizen.

It is interesting that people find a positive side of location tracking — in critical situations, a person can be found and saved:

“It will guarantee my safety in any case. If something happens to me, they will know how to find me and how to save me” (w., 25 years old, without higher education, 04.18.2022).

In this situation, a microchip ensures people’s security. Informants who are interested in technology point out that tracking a person’s location is still a possibility, so the idea of a microchip does not frighten them.

In 2015 [Werber, Znidarsic, 2015] researchers from Slovenia came to the conclusion that the risk of violating citizens’ privacy is the most important one. Although the data from our study cannot provide a quantitative evaluation of this risk, certain informant groups identify it as the most serious and describe it in a highly emotional manner. However, the discussion of freedom and choice is crucial because, according to informants, everyone loses them when microchips are implanted:

“This is some kind of feeling of freedom, that you can take it, or you can not take it, so, you have a choice” (w., 23 years old, higher education, 03/26/2022).

This risk is the most terrifying for people who do not trust the state and the government. Even though it is still technically impossible, they think that this control

will really happen. They do not even call it a risk, but "fear". People explain such emotions by the current situation with privacy in the country:

"I will not be chipped in Russia. Due to, perhaps, paranoid, but thinking about tracking, about the lack of privacy in our country" (m., 24 years old, without higher education, 03.18.2022).

In 2018 [Werber, Baggia, Znidarsic, 2018], a study of the Slovenian population showed that the lack of trust in the state is a serious barrier to the implantation of a microchip, we can observe the same picture in our study.

In addition, some people are sure that a person can be deleted by connecting to a microchip, and he or she will become "nobody and nothing":

"A person can be destroyed instantly, wiped off from the face of the earth as a person, as a species, just erase everything as an unnecessary file, just "delete the page" and there is no person" (w., 52 years old, without higher education, 02.04.2022).

People are afraid to be "as plain as can be", "like an open book", "under the hood" that all information about them will be known:

"In the future, what such a thing can lead to in general, and how now people can be under the hood" (m., 30 years old, without higher education, 03.15.2022).

Previous research indicated [Neumann, Weinstein, 2006] that a variety of issues relating to personal data security and confidentiality may overshadow the benefits of RFID microchips. We can draw the same conclusion in our study, since people, for whom this risk is a serious barrier, do not deny the benefits of microchips, but are not ready to use them because of the threat of privacy.

The most emotional informants are those who categorically oppose body interventions when discussing the dangers of location tracking. They have complete faith that it will be possible:

"I think that if such a chip is implanted, then it will not have only this one function. There will be several different functions there at once. For example, location. And then I immediately say that no, I am against it" (w., 43 years old, higher education, 04.27.2022).

People who do not understand the topic of technology believe that it will be possible to control people with the microchips. They do not know how it might be, but they believe it will. Informants think that the primary objective of implementing such technology may be to control humanity as a "herd" on a global scale.

People who don't trust the state express the following worries: users may not be aware that the microchip have hidden functions, like location tracking:

"Everyone will think that they will upload a medical history, and they will also upload my data and a tracking source there as an asterisk so that they will follow me, listen to me" (m., 24 years old, without higher education, 03.18.2022).

Such informants believe that the information stored in the microchip will be used against them:

"They are afraid to get some kind of punishment for this: they do not know you, but then they find out that you were somewhere in the square, and there was a rally, for example. They will come to you, ask what you were doing there, who needs it?" (m., 47 years old, higher education, 03.17.2022).

Informants are sure that this technology will become voluntary and compulsory. Restrictions or prohibitions will be introduced for those who do not want to implant microchips. Ethics researchers [Foster, Jaeger, 2008] view this issue as utopian, but the informants in this study seriously discuss the threat of compelling people to engage in "chipping".

3. Risk of hacker attacks

Informants are afraid that there will be scammers who will somehow read information or steal money without a person's knowledge. Due to the fact that information is now also stolen from a distance, this risk does not scare informants who follow the technological world.

Informants, who are not interested in technology, believe that hacker attacks will remain at the same level, they will not be more or less due to the spread of microchips.

4. Risk of physical robberies

In this aspect, representations can be divided into two parts. Firstly, physical extractions of the microchip take place, but they are unlikely to really exist, since our society is civilized. People call such methods "barbaric" and "wild". And secondly, informants do not trust these robbery techniques because they are more complicated than the ones currently in use:

"It seems to me that it is easier to steal a credit card than to cut a chip out of your hand. And what... are you going to walk around with a piece of meat and put it in an ATM somewhere? It is kind of difficult" (m., 47 years old, higher education, 03.17.2022).

People who are interested in technology are also unconcerned by this risk because similar crimes are already committed in order to steal phones and other valuable items.

The informants from our study do not believe that the emergence of new types of crimes poses a threat to society, despite the fact that the data from Gangadharbatla's study of America [Gangadharbatla, 2020] indicated it.

5. Risk of inequality

In this part, we can identify one common pattern — informants do not see the microchip as a new cause of inequality because it already exists. Although Monahan and Fisher's study [Monahan, Fisher, 2010] revealed discrimination related to the difference in the speed of servicing people with and without microchips, the informants from Moscow do not see any signs of inequality in this, because simplified identification of people with RFID microchips seems logical to them.

6. Religious issues

Some informants believe that if a person is a follower of a religion which prohibits injections, he or she will deny the using of microchips. Others believe that a person's religious beliefs cannot influence their choice. Additionally, there is a belief that religion will impede global development, including the development of microchips.

Conclusion

In this work, we took one of the first steps in studying the representations about the functions of RFID microchips and the risks that occur during their implantation. We assumed that socio-demographic characteristics such as gender, age and higher education determine the representations, but it was found that only the elder age group of people (45–59 years) has unique representations as well as the degree of interest in technology, the lack of trust to the government, negative attitude to the body injections matter.

People's representations about the functions of this technology practically match with its possible real applications. However, current functionality of microchips does not excite informants who are interested in innovations, they would like to see more unique features. Using a microchip for routine tasks has proven to be contradictory: some informants do not take it seriously and believe that there is no need to simplify already simple tasks, while others think that only through routine use will people be able to fully appreciate the value of a microchip.

The risk of danger to health and the body is a serious barrier that worries informants. However, technology-interested informants claim that this risk is unimportant to them because devices that fit inside the human body are already made of safe materials. People who do not trust the government are often unwilling to use a microchip despite its benefits because they are certain that the government will track them and use their data for its own purposes. The fact that it may be possible to control people "*like a herd*" is significant for other groups of informants. It is unexpected that some informants see a positive side in the possible tracking — it will help to find them and save their lives. The fact that the microchip is always with you has the reverse side of the coin — it scares people that it cannot be turned off or left, it deprives them of choice and freedom.

References

- Andersson E., Bengtsson A. (2019) *Microchip Implant in Humans: Risks For Individual & Society*. Borås: Högskolan i Borås.
- Archipova M. Yu., Kuchmaeva O.V. (2018) Socialnyj zapros rossiyan na innovacii (po dannym vyborochnogo obsledovaniya) [Social Demand of Russians for Innovation (According to a Sample Survey)]. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 11. No. 2. P. 69–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.2.56.5>
- Baker J.D. (2016) The Orwellian Nature of Radio-Frequency Identification in the Perioperative Setting. *AORN Journal*. Vol. 104. No. 4. P. 281–284. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.aorn.2016.08.012>
- Barnett J., Cooper H., Senior V. (2007) Belief in Public Efficacy, Trust, and Attitudes Toward Modern Genetic Science. *Risk Analysis*. Vol. 27. No. 4. P. 921–933. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2007.00932.x>
- Davis F. (1989) Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. *MIS Quarterly*. Vol. 13. No. 3. P. 318–339. DOI: <https://doi.org/10.2307/249008>
- Fisher J., Monahan T. (2008) Tracking the Social Dimensions of RFID Systems in Hospitals. *International Journal of Medical Informatics*. Vol. 77. No. 3. P. 176–83. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2007.04.010>
- Foster K.R., Jaeger J. (2008) Ethical Implications of Implantable Radiofrequency Identification (RFID) Tags in Humans. *The American Journal of Bioethics*. Vol. 8. No. 8. P. 44–48. DOI: <https://doi.org/10.1080/15265160802317966>
- Foster K.R., Jaeger J. (2007) RFID Inside: The Murky Ethics of Implanted Chips. *IEEE Spectrum*. Vol. 44. No. 3. P. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.1109/MSPEC.2007.323430>
- Gadzheva M. (2007) Getting Chipped: To Ban or Not to Ban. *Information & Communications Technology Law*. Vol. 16. No. 3. P. 217–231. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600830701680537>
- Gangadharbatla H. (2020) Biohacking: An Exploratory Study to Understand the Factors Influencing the Adoption of Embedded Technologies Within the Human Body. *Heliyon*. Vol. 6. No. 5. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03931>
- Gauttier S. (2018) “I’ve Got You Under My Skin” — The Role of Ethical Consideration in the (Non-) Acceptance of Inseparables in the Workplace. *Technology in Society*. Vol. 56. P. 93–108. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2018.09.008>
- Hudson J., Caplanova A., Novak M. (2015) Public Attitudes to GM Foods. The Balancing of Risks and Gains. *Appetite*. Vol. 92. P. 303–313. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.appet.2015.05.031>
- Katz J.E., Rice R.E. (2009) Public Views of Mobile Medical Devices and Services: A US National Survey of Consumer Sentiments Towards RFID Healthcare Technology. *International Journal of Medical Informatics*. Vol. 78. No. 2. P. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2008.06.001>
- Lockton Y., Rosenberg R.S. (2005) RFID: The Next Serious Threat to Privacy. *Ethics Information Technology*. Vol. 7. No. 4. P. 221–231. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10676-006-0014-2>
- Marangunic N., Granic A. (2015) Technology Acceptance Model: A Literature Review from 1986 to 2013. *Universal Access in the Information Society*. Vol. 46. No. 1. P. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10209-014-0348-1>
- Michael M.G., Michael K. (2006) A Note on Uberveillance, From Dataveillance to Uberveillance and the Realpolitik of the Transparent Society. *University of Wollongong*. P. 9–25.
- Michael K. Michael M.G. (2009) Predicting the Socioethical Implications of Implanting People with Microchips. *PerAda Magazine*. No. 6. P. 1–3. DOI: <https://doi.org/10.2417/2200904.1598>
- Monahan T., Fisher A.J. (2010) Implanting Inequality: Empirical Evidence of Social and Ethical Risks of Implantable Radiofrequency Identification (RFID) Devices. *Int J Technol Assess Health Care*. Vol. 26. No. 4. P. 370–376. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0266462310001133>
- Nelson R.R., Winter S.G. (1982) *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge: Harvard University Press.

медицинских данных воспринимается как условно полезная, но малоприменимая в жизни. Также было установлено, что риски для здоровья и связанные с нарушением конфиденциальности и хакерскими атаками, важны для некоторых групп информантов, а риски физического ограбления и неравенства, религиозные вопросы не пугают и кажутся несущественными.

Ключевые слова: микрочип; RFID-микрочип; функции и риски RFID-микрочипов; жители Москвы

Сведения об авторе:

Янокаева Алина Тимуровна — бакалавр социологии, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. **E-mail:** a.yanokaeva@gmail.com. **ORCID ID:** [0009-0008-9278-7133](https://orcid.org/0009-0008-9278-7133); **ResearcherID:** [HPG-4422-2023](https://www.researcherid.com/HPG-4422-2023).

Статья поступила в редакцию: 31.03.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

ВАК: 5.4.4

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.5

EDN: LLGMQL

Полевой дневник в исследованиях сельской местности: особенности фиксации и организации данных

Ссылка для цитирования:

Солоненко Е. А. Полевой дневник в исследованиях сельской местности: особенности фиксации и организации данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 80–91. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.5> EDN: LLGMQL

For citation:

Solonenko E. A. (2023) Field Diary in Rural Research: Features of Fixing and Organizing Data. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 80–91. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.5>

Солоненко Елизавета Андреевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: esolonenko@hse.ru

В статье описывается авторская рефлексия об организации и проведении качественных полевых социологических и антропологических исследований в сельской местности, в частности о способах фиксации данных для их сохранения и дальнейшей аналитической работы. Ограничения, налагаемые на исследователя полем, сказываются на характере данных, собранных в ходе интервью и наблюдения, что вынуждает прибегать к определенным методам их систематизации для подготовки к дальнейшему анализу. С опорой на опыт проведенных исследований автор предлагает способы организации полевых заметок, а также выделяет этапы ведения полевых записей: фиксация материалов интервью, проведенных «не под диктофон», первичная систематизация данных и организация полевого дневника.

Ключевые слова: полевой дневник; полевые заметки; фиксация качественных данных

Многие годы вокруг обоснованности качественных методов ведется эпистемологическая дискуссия, их «научность» не перестает сталкиваться с академическим скептицизмом [Здравомыслова и др., 2022]. Существует мнение, что качественные данные склонны быть слишком субъективными и представляют лишь интерпретацию наблюдаемых событий, а потому не могут и не должны архивироваться наравне с количественными данными [Parry, Mauthner, 2004]. В контексте архивирования также есть проблема анонимности, которая не решается простым изменением реального имени информанта, особенно при распространении данных для совместной работы с другими социологами и антропологами [Broom et al., 2009].

Помимо проблем анонимности, перед исследователями встает целый ряд иных вопросов методического характера, связанных со сложностями валидации качественных методов и данных [Campbell, 2001]. Отчасти эти вопросы решаются установлением довольно узкого спектра задач, реализуемых с их помощью. Так, социальные институты необходимо изучать на макроуровне, а не как совокупность микроситуаций. Тем не менее микросоциология, рассматривающая социальные структуры через понятия социальных систем и повседневных практик с помощью качественных методов, концептуально и эмпирически шире предшествующих методов [Гидденс, 2018]. Также необходимо понимать, что отсутствие видимой структуры в некоторых качественных социальных и антропологических исследованиях объясняется восприятием эмпирической реальности в качестве множественных реальностей, сконструированных исследователем, который, в свою очередь, следует за информантом в попытке ухватить его картину мира [Bradley, 1993].

В качественном исследовании социолог не просто собирает информацию, а, по принципу работы Бронислава Малиновского, старается взглянуть на мир так, как это делают люди в изучаемом сообществе, что и называется развитием «социологического воображения» [Jayaram, 2019], и фиксирует это в полевом дневнике. Полевой дневник можно назвать сборником этнографических описаний увиденных событий, услышанных разговоров и полевых наблюдений в поле. Считается, что качественные данные во многом ведут исследователя: иногда можно предположить, каков будет характер данных или их общая окраска, однако на дополевого этапе это может оказаться не более чем спекуляцией и не подтвердиться на практике [Троцук, 2011]. Но все же в ряде случаев этнографические факты, описанные в дневнике, могут естественным образом складываться в аналитические нарративы [Malinowski, 1967].

В контексте качественного исследования методологическая точность может быть достигнута с помощью тщательного следования установленной процедуре его проведения. В этом смысле планомерное и регулярное ведение полевого дневника требуется в любом типе качественных исследований [Штейнберг и др., 2009]. Упорядоченность полевых материалов необходима и в долгосрочной перспективе, так как подчас при проведении новых исследований на смежные темы нужно сверяться с данными, полученными ранее в других проектах [Bishop, 2007].

Ценность полевых записей возрастает при работе с неструктурированными данными. Эмпирическая реальность в данном случае — это, с одной стороны, абстрактные данные, которые фиксируют исследователи, с другой — контекстуально целостная система, неотделимая от индивидов, существующих в ней. И качественные методы, в частности полуструктурированное или неструктурированное интервью, призваны помочь исследователю в осмыслении этих реальностей и приближении к ним [Bradley, 1993]. В свою очередь выбор подходов и методов индивидуален для каждого типа и темы исследования, а также выбранных теоретических рамок [Ваньке и др., 2020].

В данной статье я рассмотрю некоторые особенности ведения полевых записей и организации дневника при изучении структуры локальных сообществ и экономических практик сельского населения. Будут описаны особенности фиксации полуструктурированных и неструктурированных качественных данных, полученных в интервью и в ходе этнографических наблюдений, и выделены принципы, помогающие исследователю аккумулировать и архивировать результаты проведенной эмпирической работы. Я опираюсь на свой исследовательский опыт: с 2018 года я приняла участие в 16 экспедициях, десять из которых были организованы по программе НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново» (в том числе в роли заместителя руководителя экспедиции в четырех из них), три — в рамках сертификации рыбодобывающих предприятий Камчатского края, две — индивидуальные экспедиции для сбора данных для магистерской диссертации, одна — по проекту «Как природа становится парком» (руководителем которого я являюсь), поддержанного Фондом «Хамовники»¹. В каждом проекте мной было собрано от 10 до 20 интервью, в зависимости от длительности экспедиции. Средняя продолжительность — две-три недели, однако среди упомянутых экспедиций есть как более короткие, так и более длительные поля.

Особенности фиксации интервью без диктофона

Полевая работа начинается с момента пробуждения и длится до отхода ко сну [Scott, 1985] — интерес исследователя не только в озвученных во время интервью фактах, но и в процессах, проходящих в локальных сообществах, о которых не расскажут информанты, но которые можно увидеть своими глазами. Местные жители и сами наблюдают за чужаками, за тем, куда они ходят и как себя ведут; могут приходить или приглашать в гости, заводить разговоры на улице, в магазине — интеракции с людьми вне встреч в рамках интервью также полезны с точки зрения добычи сведений и для формирования позитивного мнения и доверия со стороны целевой группы.

При исследовании сенситивных социальных тем в сельской местности исследователь попадает в ситуацию, в которой, с одной стороны, информанты готовы делиться подробностями своей жизни, с другой — недоверие

¹ Ссылка на сайт проекта: <https://khamovniki.ru/kak-priroda-stanovitsya-parkom/>.

к незнакомым людям сказывается на полноте фиксируемого материала. Подчас люди открыто соглашаются говорить о своих доходах, ведении хозяйства и о неформальных экономических практиках, но упоминание о записи беседы грозит либо отказом от интервью, либо закрепощением информанта и сокрытием отдельных аспектов его жизни, что в данном случае эквивалентно отказу, так как «неполное» интервью не позволяет сформировать понимание о жизни человека или домохозяйства. Роль исследователя может вызывать недоверие со стороны местного общества, однако он обязан открыто говорить о своем научном интересе и проводить интервью на тех условиях, которые продиктованы местными социальными нормами [Ярская-Смирнова, Романов, 2004].

Изучение сельской повседневности предполагает корректировку привычных методических подходов и авторское решение поставленных задач в зависимости от ситуации [Бабашкин, 2018; Виноградский, 2020]. Мой опыт проведения качественных исследований по темам практик неформального природопользования и экономических стратегий населения показывает, что запись на диктофон — инструмент, который почти невозможно использовать на практике. По моему мнению, отказ от диктофонной записи — не прихоть, а скорее методологическая необходимость. Во-первых, даже вопрос о ведении записи может усложнить дальнейшую работу в поле (из-за восприятия не только одним человеком, но и сообществом в целом). Во-вторых, после погружения в поле собираемым материалом становятся не только артикулированные во время интервью факты, но и контекст, дополнительные сведения, наблюдения и разговоры по пути, в которых исследователь пребывает вплоть до отъезда, ввиду чего диктофонная фиксация вмещает лишь малую часть исследуемого материала и даже при наличии потребовала бы массивных комментариев и пояснений. Отказ от диктофона можно в каком-то смысле назвать традиционным для сельской социологии — к нему вынуждены были прибегать ученые, заложившие основу данному направлению исследований [Scott, 1985]. Отсутствие транскриптов отчасти компенсируют текстовые конспекты по ходу интервью. Ведение записей на бумаге воспринимается собеседниками спокойнее, кроме того, у них появляется ощущение контроля над ситуацией, так как интервьюер, записывающий отдельные слова в блокнот, находится в поле их зрения и открыто делает заметки.

Технически записи, произведенные во время интервью, представляют собой разрозненный конспект тем, которые обсуждались в течение разговора, заметки об отношении человека к тем или иным вопросам в краткой форме, важные акценты, которые расставил собеседник. Подобные заметки представляют собой черновик будущего конспекта интервью, они позволяют восстановить разговор в памяти через непродолжительное время. Такая фиксация тем разговора и его важных моментов предполагает рассредоточенность внимания интервьюера, поэтому эффективнее всего проводить интервью группой из двух исследователей. В этом случае один человек становится ответственным за записи и за то, чтобы отслеживать естественные тематические повороты беседы, которые основной интервьюер не успеет считать в процессе. При описанном распределении обязанностей удается

фиксировать больше деталей, а иногда и емкие цитаты информантов. Впоследствии же взгляд второго исследователя поможет избежать искажений при интерпретации и вольных трактовок. Темы исследований, о которых идет речь в рамках статьи, являются сенситивными в классическом понимании, так как собранная информация потенциально может нести угрозу вовлеченным в процесс людям [Lee, Lee, 2012]. Экономическая жизнь домохозяйств и способы заработка (особенно при наличии теневых доходов) оказываются довольно чувствительными аспектами в разговорах с людьми в сельской местности. Тем не менее при выходе на доверительный разговор наличие двух интервьюеров не становится фактором, закрепощающим информанта, так как тема для разговора в большинстве случаев не станет напоминанием о травмирующем опыте.

Условия проведения интервью не всегда располагают к синхронной фиксации. Случается, что интервью приходится брать на улице в непогоду, в пути по пересеченной местности, на реке, в процессе шумной и активной работы человека и других обстоятельствах, в принципе не позволяющих достать блокнот и ручку. Важно также учитывать, что упомянутая выше благосклонность информанта к записям в блокнот — это хоть и часто встречающийся, но лишь один из возможных вариантов поведения собеседника. Ситуации, когда человека стесняют в том числе бумажные записи, происходят регулярно. В таких случаях собеседник будет настаивать на «человеческом» разговоре с последующей фиксацией, аргументируя это своей неуверенностью в правдивости подобных исследований и тем, что исследователь позже может сам додумать ответы. Отказ от проведения интервью со стороны исследователя в таких случаях представляется необоснованным — сведения, сообщенные не для записи или для «записи по памяти», ценны, как и те, что удалось зафиксировать сразу. Особенность таких интервью лишь в том, что они требуют особой внимательности, расставления исследователем интуитивных взаимосвязей между фактами, озвученными информантом, и большего времени для первичной обработки данных после завершения интервью. Отмечу, что закономерным ограничением становится физическая возможность исследователя запомнить все моменты интервью. Потеря части полученного материала в таком формате работы неизбежна, минимизировать ее помогают своевременная фиксация и расставление мысленных акцентов во время беседы. При этом возможность последующей фиксации не должна становиться поводом для отказа от ведения записей в процессе интервью; описываемый формат интервью является вынужденным и не инициируется без причины.

Первичная систематизация полевого материала

Второй этап сбора неструктурированных полевых данных — их первичная систематизация. Она происходит сразу после проведения интервью. При переносе этого процесса на более продолжительный срок информация,

сообщенная в разных интервью в течение дня, смешается, а наблюдения, сделанные в процессе разговора, естественным образом пропадут [Штейнберг и др., 2009]. После проведения интервью исследователю необходимо найти место для структурирования разрозненных записей, фиксации наблюдений и реакций информанта. Возвращение в место базирования экспедиции при работе в населенном пункте на выезде невозможно, а при нахождении в селе проживания исследовательской группы это может занять слишком много времени. Практика показывает, что эффективнее в этом случае искать место для записи на улице.

Процесс первичной систематизации фактически заключается в раскрытии тем интервью, законспектированных в блокноте. На этом этапе тезисно записываются в блокнот все высказывания информанта. Необходимые детали об окружающей обстановке, эмоциях и настроениях информанта, его реакции, подробности беседы также подробно конспектируются. Данный этап работы не предполагает оформление заметок в слитный текст, однако вся информация должна быть изложена в полном объеме, с учетом смысловых акцентов, которые расставлял информант. Полевые записи, сделанные в течение дня, помогают исследователю проводить методическую саморефлексию, прорабатывать удачные и провальные моменты интервью, уточнять и переформулировать фокус своего аналитического интереса [Троцук, 2011].

Один из вариантов первичной систематизации данных в ситуации, когда ввиду погодных условий найти место для записи невозможно, — диктофонная запись с передачей всех моментов интервью. Исследователь детально воссоздает прошедшее интервью под запись, подкрепляя нарратив наблюдениями и реакциями информанта. Подобный способ при кажущейся легкости использования также имеет свои ограничения. Исследователю необходимо помнить о сохранении конфиденциальности информантов и избегать ситуаций, когда внешний человек может навредить жизни местного сообщества. Так, в селе может не оказаться уединенных мест, где у диктофонной записи не будет свидетелей. Кроме того, экономия времени на данном этапе систематизации данных впоследствии приведет к более длительному оформлению полевого дневника. Расшифровывать надиктованное также необходимо вечером после полевого дня. Исследователь может подумать, что при наличии записи материал не потеряется, однако позже это приведет к отсутствию дополнительных наблюдений, которые воссоздаются по ходу записи интервью в дневник в конце рабочего дня.

Организация полевого дневника

Самое важное в ведении дневника наблюдений — регулярность и соблюдение четкой структуры. Информация, которая в момент написания кажется очевидной, сотрется из памяти слишком быстро, чтобы пренебрегать добросовестным ведением дневника. Записи необходимо структурировать по дням, а также приводить дополнительные технические детали — время и место

проведения интервью, события, которые ему предшествовали и, возможно, сыграли решающую роль в том, что интервью состоялось. Необходимо прописывать социальный портрет информанта — пол, возраст, место работы и другие социально-демографические данные, которые впоследствии позволят систематизировать итоговую выборку.

В полевой дневник заносятся все сведения, полученные за день. Содержание интервью, а также наблюдения, зафиксированные в блокноте, записываются в файл дневника на ноутбуке или в телефоне. Перенос полученных данных в компьютер в конце каждого полевого дня необходим для упрощения процесса работы с ними в будущем — выделенные в разделы этапы поля (дни, населенные пункты, информанты) помогут оптимизировать доступ к данным во время анализа и при необходимости приступить к кодированию (или другим необходимым методологическим процедурам) сразу после возвращения из поля.

При написании полевого дневника появляются и дополнительные сведения, которые в силу специфики полевой работы могли не учитываться в бумажных конспектах в течение дня. В данном случае речь не о наблюдениях за информантом или его домом и участком в процессе интервью, а об организации пространства села, паттернах хозяйственного поведения, заметных по участкам, с хозяевами которых интервью не проводилось, общественных местах, транспортной и социальной доступности тех или иных мест и другой ценной для последующего анализа информации. Необходимо также фиксировать краткие разговоры в магазинах или других общественных местах, диалоги, случившиеся на дороге или по пути. Все они позволяют больше погрузиться в контекст жизни местного сообщества, а иногда, при выяснении отдельных фактов местной жизни в краткой беседе, смоделировать курс будущих интервью с целью углубления знания о местности и наращивания фактуры собираемого материала. Кроме того, стоит фиксировать детали жизни, быта и перемещений исследователей, так как часто они выявляют характерные для местной жизни черты — доступность локаций, товаров или возможностей для реализации для разных групп населения, их сферы влияния, внутренний социальный порядок, распределение формальных ролей в сообществе и проч.

В файле полевого дневника следует визуально отделять этнографию от содержания интервью и наблюдений в ходе беседы. Кроме того, стоит обособлять каждое интервью с помощью доступных технических средств, предваряя каждый новый подраздел данными об информанте. Полевой дневник должен представлять собой логично структурированный подробный описательный текст [Штейнберг и др., 2009]. Ведение полевых записей не является аналитической работой, а потому дневник должен носить описательный характер — высказывания, дающие оценку ситуации на этапе сбора данных, впоследствии могут помешать объективному анализу.

Иногда дневник наблюдений публикуется как отдельное произведение, однако источником информации для исследования он становится лишь тогда, когда за заметками видно больше, чем передано в тексте. Фактическая информация фиксируется в дневнике, но именно контекст и ощущения от поля

приводят ее в вид качественных данных [Lederman, 1990]. Отчасти поэтому в классической этнографической традиции ведением полевых записей занимается исследователь индивидуально, а сам текст имеет персонализированный характер, неадаптированный для широкого читателя [Dalsgård et al., 2020]. Именно поэтому ведение полевого дневника — обязанность каждого участника исследования, в том числе человека, который исполнял роль второго интервьюера. Тем не менее в современной качественной социологии наблюдается тренд на проектный характер проведения исследований и поверхностную аналитику. В этом случае ценность исследования заключается в уникальности собранных данных, а не в их интерпретации [Здравомыслова и др., 2022]. В каком-то смысле это можно назвать идейным возвращением к традиции публикации дневников наблюдений путешественников и чиновников по особым поручениям, которые сейчас являются классическими текстами.

Заключение

Методологические наработки по фиксации полевых данных, описанные в статье, могут быть рекомендованы для использования в качественных социологических и антропологических исследованиях, однако во многом использование конкретных методов сбора и анализа данных зависит не только от темы, но и от персональных предпочтений исследователя.

В антропологической традиции дневники славятся обилием предоставляемой информации и способностью вернуть исследователя в конкретный момент времени в поле [Pedersen, Rømer, 2020]. Полевые заметки подчас не поддаются осмыслению даже со стороны самих практиков, однако, учитывая значимость их роли в работе исследователей, тема фиксации собранных наблюдений также должна быть вынесена на обсуждение в профессиональном сообществе [Lederman, 1990].

Ведение полевого дневника позволяет свести воедино различные по характеру полевые данные для их дальнейшего анализа. Полуструктурированные и неструктурированные интервью, наблюдения, краткие беседы, закономерности, замеченные при изучении местной жизни, — дневник призван запечатлеть увиденную в поле картину и сохранить ее для того, чтобы в будущем исследователь мог вновь погрузиться в полевую реальность, находясь уже в другом месте. Помимо этого, при отсутствии возможности записи на диктофон дневник становится основным источником полевых данных.

Однако помимо перечисленных достоинств фиксация качественных данных с помощью дневника имеет ряд ограничений. Во-первых, находясь в пространстве собственных мыслей, исследователь может сбиться на подмену фактов рефлексией о поле, что приведет к значительным искажениям. Во-вторых, эффективность фиксации материала с помощью полевого дневника ограничена возможностями памяти исследователя, а также требует исполнительности и усердности в финале полевого дня, к чему оказывается готов не каждый.

Последовательность действий по подготовке полевого дневника, предложенная в статье, выводится из полевого опыта и призвана минимизировать вероятность потерь неструктурированных качественных данных, а также снизить временные затраты на этапе их подготовки к анализу. При возможных вариациях тем и типов исследований некоторые этапы могут меняться, однако неизменным останется сам факт ведения полевого дневника. Наличие диктофонной записи и позже транскриптов не компенсирует дневниковые записи в полной мере, так как за скобками останутся наблюдения за происходящим, непродолжительные беседы и ощущения от поля, которые переживает исследователь.

Литература

Бабашкин В. В. Когда мысль изреченная есть правда, или крестьянноведение Валерия Виноградского // *Крестьянноведение*. 2018. Т. 3. № 1. С. 174–182. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-1-174-182> EDN: XMPJCP

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8> EDN: DBPLCG

Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: неформальная экономика сельских домохозяйств // *НОМОТНТИКА: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45. № 4. С. 633–643. DOI: <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-633-643> EDN: LEFGEP

Гидденс Э. Устроение общества: очерк истории структуризации. М.: Академический проспект, 2018.

Здравомыслова Е. А., Ярская-Смирнова Е. Р., Омельченко Е. Л., Штейнберг И. Е. Куда идет качественная методология? Коллективная дискуссия // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2022. Т. 14. № 1. С. 9–32. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.1> EDN: USZYKK

Троцук И. В. Социологический анализ сельской повседневности: проблемы методические, гуманистические и поэтические [Рец. на книгу: Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ, 2009] // *Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 168–180. EDN: PBDUTL

Штейнберг И. Е., Шанин Т., Ковалев Е. В., Левинсон А. Г. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетей, 2009. EDN: QOJMXF

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология: Учебное пособие. Р.: Феникс, 2004.

Bishop L. A. Reflexive Account of Reusing Qualitative Data: Beyond Primary/Secondary Dualism // *Sociological Research Online*. 2007. Vol. 12. № 3. P. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.5153/sro.1553>

Bradley J. Methodological Issues and Practices in Qualitative Research // *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. 1993. Vol. 63. № 4. P. 431–449. DOI: <https://doi.org/10.1086/602620>

Broom A., Cheshire L., Emmison M. Qualitative Researchers' Understandings of Their Practice and the Implications for Data Archiving and Sharing // *Sociology*. 2009. Vol. 43. № 6. P. 1163–1180. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038509345704>

Campbell J. Participatory Rural Appraisal as Qualitative Research: Distinguishing Methodological Issues from Participatory Claims // *Human Organization*. 2001. Vol. 60. № 4. P. 380–389. DOI: <https://doi.org/10.17730/humo.60.4.bgnlmy60fkqv4r2>

Dalsgård A., Rubow C., Rytter M. Introductory Notes // *Anthropology Inside Out: Fieldworkers Taking Notes* / Ed. by A. L. Dalsgård, A. O. Andersen, M. L. Kusk, M. Nielsen, C. Rubow, M. Rytter. Herefordshire: Sean Kingston Publishing, 2020. Vol. 37. № 1. P. 1–10.

Lederman R. Pretexts for Ethnography: on Reading Fieldnotes // Fieldnotes: The Makings of Anthropology / Ed. by R. Sanjek. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990. P. 71–91.

Lee Y., Lee R. Methodological Research on “Sensitive” Topics: A Decade Review // BMS: Bulletin of Sociological Methodology / Bulletin de Méthodologie Sociologique. 2012. Vol. 114. № 1. P. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.1177/0759106312437139>

Malinowski B. A. Diary in the Strict Sense of the Term. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

Parry O., Mauthner N. Whose Data are They Anyway?: Practical, Legal and Ethical Issues in Archiving Qualitative Research Data // Sociology. 2004. Vol. 38. № 1. P. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038504039366>

Pedersen M., Rømer L. Fieldnotes from a Field of Notes: Anthropology and the Afterlife of Notes in Archives // Anthropology Inside Out: Fieldworkers taking notes / Notes / Ed. by A. L. Dalsgård, A. O. Andersen, M. L. Kusk, M. Nielsen, C. Rubow, M. Rytter. Herefordshire: Sean Kingston Publishing, 2020. P. 33–53.

Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven; London: Yale University Press, 1985.

Сведения об авторе:

Солоненко Елизавета Андреевна — аспирант, аспирантская школа по социологическим наукам; аналитик, проектно-учебная лаборатория муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** esolonenko@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0001-7616-8692](https://orcid.org/0000-0001-7616-8692); **ResearcherID:** [IUO-8781-2023](https://pubs.rsos.royalsocietypublishing.org/author/IUO-8781-2023).

Статья поступила в редакцию: 15.06.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

БАК: 5.4.1

Field Diary in Rural Research: Features of Fixing and Organizing Data

DOI: [10.19181/inter.2023.15.3.5](https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.5)

Elizaveta A. Solonenko HSE University, Moscow, Russia
E-mail: esolonenko@hse.ru

The article describes the methodological features of conducting sociological and anthropological qualitative field research in rural areas, in particular, it covers ways of fixing data for its conservation and further analytical work. The limitations imposed on the researcher by the field also affect the nature of the data collected during interviews and observations, which forces them to adhere to certain methods of systematization in order to prepare for further analysis. The article presents the methods of organizing field notes, highlights the stages of field records — fixation, primary systematization, organization of a field diary — when collecting qualitative data on sensitive topics for the preservation of the material and its future processing.

Keywords: field diary; field notes; fixation of qualitative data

References

- Babashkin V.V. (2018) Kogda mysl izrechennaya est pravda, ili krest'yanovedenie Valeriya Vinogradskogo [When the Uttered Thought Is True, or the Peasant Studies of Valery Vinogradsky]. *Krestyanovedenie* [Russian Peasant Studies]. Vol. 3. No. 1. P. 174–182. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-1-174-182>
- Bishop L. (2007) A Reflexive Account of Reusing Qualitative Data: Beyond Primary/Secondary Dualism. *Sociological Research Online*. Vol. 12. No. 3. P. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.5153/sro.1553>
- Bradley J. (1993) Methodological Issues and Practices in Qualitative Research. *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. Vol. 63. No. 4. P. 431–449. DOI: <https://doi.org/10.1086/602620>
- Broom A., Cheshire L., Emmison M. (2009) Qualitative Researchers' Understandings of Their Practice and the Implications for Data Archiving and Sharing. *Sociology*. Vol. 43. No. 6. P. 1163–1180. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038509345704>
- Campbell J. (2001) Participatory Rural Appraisal as Qualitative Research: Distinguishing Methodological Issues from Participatory Claims. *Human Organization*. Vol. 60. No. 4. P. 380–389. DOI: <https://doi.org/10.17730/humo.60.4.bgnlmy60fkvq4r2>
- Dalsgård A., Rubow C., Rytter M. (2020) Introductory Notes. In: A. L. Dalsgård, A. O. Andersen, M. L. Kusk, M. Nielsen, C. Rubow, M. Rytter (eds.) *Anthropology Inside Out: Fieldworkers Taking Notes*. Herefordshire: Sean Kingston Publishing. Vol. 31. No. 1. P. 1–10.
- Giddens A. (2018) *Ustroeniye obshestva: ocherk istorii stukturacii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuralism]. Moscow: Akademicheskij Prospekt. (In Russ.)
- Lederman R. (1990) Pretexts for Ethnography: on Reading Fieldnotes. In: R. Sanjek (ed.) *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*. Ithaca; London: Cornell University Press. P. 71–91.
- Lee Y., Lee R. (2012) Methodological Research on “Sensitive” Topics: a Decade Review. *BMS: Bulletin of Sociological Methodology / Bulletin de Méthodologie Sociologique*. Vol. 114. No. 1. P. 35–49. DOI: <https://doi.org/10.1177/0759106312437139>
- Malinowski B. A. (1967) *Diary in the Strict Sense of the Term*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parry O., Mauthner N. (2004) Whose Data are They Anyway?: Practical, Legal and Ethical Issues in Archiving Qualitative Research Data. *Sociology*. Vol. 38. No. 1. P. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038504039366>
- Pedersen M., Rømer L. (2020) Fieldnotes from a Field of Notes: Anthropology and the Afterlife of Notes in Archives. In: A. L. Dalsgård, A. O. Andersen, M. L. Kusk, M. Nielsen, C. Rubow, M. Rytter (eds.) *Anthropology Inside Out: Fieldworkers taking notes / Notes*. Herefordshire: Sean Kingston Publishing. P. 33–53.
- Scott J. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven; London: Yale University Press.
- Shtejnberg I. E., Shanin T., Kovalev E. V., Levinson A. G. (2009) *Kachestvennye metody. Polevye sociologicheskie issledovaniya* [Qualitative Methods. Field Sociological Research]. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Trotsuk I. V. (2011) Sociologicheskij analiz sel'skoj povsednevnosti: problemy metodicheskie, gumanisticheskie i poeticheskie (Rec. na knigu: Vinogradskij V. “Orudiya slabyh”: tekhnologiya i social'naya logika povsednevnogo krest'yanskogo sushchestvovaniya. Saratov: Izd-vo Saratovskogo in-ta RGTEU, 2009. — 292 s.) [Sociological Analysis of Rural Everyday Life: Methodological, Humanistic and Poetic Problems (a Review on the Book: Vinogradskiy V. G. “Instruments of the Weak”: the Technique and Social Logic of Everyday Peasants' Life. Saratov: RGTEU, 2009)]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2. P. 168–180. (In Russ.)
- Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) *Kak sobrat dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in Qualitative Field Research]. Moscow: HSE (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Vinogradskij V.G. (2020) "Orudiya slabyh": neformal'naya ekonomika sel'skih domochozajstv. ["Tools of the Weak": The Informal Economy of Rural Households]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. Vol. 45. No. 4. P. 633–643. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-633-643>

Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. (2004) *Socialnaya antropologiya: Uchebnoe posobie*. [Social Anthropology: Study Guide]. Rostov: Fenix. (In Russ.)

Zdravomyslova E. A., Yarskaya-Smirnova E.R., Omelchenko E. L., Shtejnberg I.E. (2022) Kuda idet kachestvennaya metodologiya? Kollektivnaya diskussiya. [Where Does the Qualitative Methodology Go? Collective Discussion]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 14. No. 1. P. 9–32. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.1>

Author bio:

Elizaveta A. Solonenko — Graduate Student, The Doctoral School of Sociology; Analyst, Laboratory for Local Administration, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: esolonenko@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0001-7616-8692](https://orcid.org/0000-0001-7616-8692); **ResearcherID:** [IUO-8781-2023](https://pubs.rsos.royalsocietypublishing.org/author/IUO-8781-2023).

Received: 15.06.2023

Accepted: 10.09.2023

Визуальная социология

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.6

EDN: RDSQIU

Городские руины: визуальность социальных смыслов¹

Ссылка для цитирования:

Поликарпов Д. С., Пустовалова С. Ю., Сененко М. С. Городские руины: визуальность социальных смыслов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 92–111. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6> EDN: RDSQIU

For citation:

Polikarpov D. S., Pustovalova S. Yu., Senenko M. S. Urban Ruins: Visuality of Social Meanings. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 92–111. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6>

Поликарпов Дмитрий Сергеевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: polikarpov25@gmail.com

Пустовалова Светлана Юрьевна

Университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: syupustovalova1@gmail.com

Сененко Мария Сергеевна

Государственный университет управления,
Москва, Россия
E-mail: msenenko@icloud.com

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена победителями конкурса «Жизнь городских руин», организованного рабочей группой «Городская повседневность на микроуровне» (НИУ ВШЭ). Авторы выражают благодарность участникам рабочей группы и ее руководителю А. В. Стрельниковой за помощь в подготовке статьи.

Архитектурные руины в контексте городского ландшафта несут в себе множество смыслов и функций: они отражают изменения в сфере моды, безопасности, культурных ценностей, показывают своеобразную борьбу урбанизации и «обратного захвата» заброшенных мест растениями и животными. В статье предлагается анализ восприятия архитектурных руин в современной городской повседневности. Концептуализация выстраивается через такие функции и свойства городских руин, как обеспечение символического убежища для представителей определенных групп и символизация культурной травмы, то есть травмы социальной группы, связанной общей культурой и солидарностью. Опираясь на проведенные наблюдения, авторы описывают два кейса: руины недостроенного военного городка «Ольгино» в Санкт-Петербурге и руины кинотеатра «Энтузиаст» в Москве. Даются некоторые рекомендации для исследователей, заинтересованных в изучении городских руин.

Ключевые слова: руины; социология архитектуры; неформальные группы; эстетизация; культурная травма

Отношение к руинам в различные исторические периоды было неодинаковым. Так, в Римской империи руины воспринимались негативно, поскольку считалось, что они портят внешний вид городов, нарушая эстетичность ландшафта и даже являются «предвестниками смерти города» [Davoine, 2019: 15]. Руины не воспринимались в качестве объектов культурного наследия до эпохи Ренессанса, когда они стали впервые выступать в качестве памятника эпохи, который было необходимо сохранить, чтобы переосмыслить элементы построек и на основе этого синтезировать новые архитектурные стили [Зенкин, 2001: 6–16; Обухова, 2014: 182–189]. В последующие исторические периоды восприятие руин усложнялось, они могли восприниматься и как символ деградации человеческого общества, и как символ победы природных сил над человеческими достижениями, и как материальное свидетельство наличия у той или иной социальной группы (религиозной, этнической) своей независимой культуры и претензий на преемственность с прошлым, в том числе в форме эстетизации руин [Шёнле, 2018: 19–49]. Позднее появилось увлечение искусственными руинами, которые выступали украшением парков и усадеб. Во многом на это увлечение повлияло открытие руин Помпей, из-за чего произошло возвращение к античным представлениям об архитектуре.

Одной из первых социологических работ о городских руинах стало эссе Г. Зиммеля «Руины» (1913), в котором были заложены основы исследования подобных объектов [Зиммель, 1996: 227–234]. Зиммель размышляет о том, что «чистыми руинами» являются руины, разрушенные в ходе природных катаклизмов, так как они демонстрируют хрупкость созданного человеческими руками перед силой природы, а рукотворные руины не являются ими в полном смысле этого слова. Значение созданных людьми руин отличается приданием им абсолютно другого символического значения, в результате чего рукотворные руины Зиммель не обозначает в качестве «чистой руины».

А. Шпеер разработал особую «теорию руин», суть которой состояла в том, что здания должны проектироваться с учетом необходимости сохранять определенную функциональность и отражать эстетические особенности даже после разрушения. В случае природного разрушения руины могут интерпретироваться в контексте борьбы человека и природы [Murchadha, 2002: 10–18], в то время как в ситуации антропогенного формирования руин важно выявить причины, по которым строения были разрушены или же остались недостроенными. Можно продолжить эти идеи с опорой на современную градостроительную реальность, где здания могут оказаться недостроенными по различным причинам (например, банкротство застройщика или изменение статуса земли) и с течением времени превращаться в руины.

В данной статье мы рассматриваем два кейса, две руины, в которых проводились социологические наблюдения в декабре 2022 года. Первый кейс — руина кинотеатра «Энтузиаст» на юго-востоке Москвы — проанализирован М. Сененко. Второй кейс — руины военного городка «Ольгино», находящегося в Приморском районе Санкт-Петербурга, — проанализирован Д. Поликарповым и С. Пустоваловой. Примеры обеих руин интересны как своеобразные памятники эпохи: кинотеатр «Энтузиаст» был построен в конце 70-х годов прошлого века и работал по своему профилю не менее 20 лет, а военный городок остался недостроенным в момент распада СССР [Масленников, 2020: 72–76]. Таким образом, заброшенность данных территорий может соотноситься с судьбой страны, и, соответственно, по определению П. Штомпки, быть элементом культурной травмы [Штомпка, 2001: 6–16].

В ходе наблюдений мы вели «визуальные дневники» (как это описано у [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020]), сочетая фотографии с ведением обычных записей и фиксируя как объективную картину, так и свои эмоции и размышления. Так как в ходе наблюдения в городском пространстве стоит расширить фокус внимания и приглядеться к окружению объекта [Стрельникова, Ваньке, 2017], мы старались понять:

- Какие здания находятся по соседству или на небольшом отдалении от наблюдаемого объекта? Чем они отличаются, чем схожи?
 - Как объект наблюдения визуально воспринимается на фоне его окружения? Выглядит ли он более притягательно, отталкивает или же вообще незаметен рядом с «соседями»?
 - Какие чувства испытывает исследователь, сравнивая руину с ее окружением? Каким он воспринимает себя, находясь рядом с руиной?
 - Как используется руина, кому и для чего она нужна в первую очередь?
- Результатом стало описание визуального образа руин, а также анализ их функций и свойств.

Концептуализация городских руин

В настоящее время руины рассматриваются как объекты коллективной памяти, памятники определенной эпохи или общественно-экономической формации [Martin, 2014: 1037–1046], места объединения неформальных групп

(например, формирование сообществ вокруг руин как элемента творчества или игры), территории временного проживания и, наконец, как объекты, эстетически украшающие город [Stanford, 2000: 28–43]. Новые технологии помогают сканировать разрушенные здания, что в дальнейшем позволяет облегчить создание модели руины для последующей реставрации [Tucsi, 2009] или же для архивного хранения этих данных¹. Некоторые исследователи предлагают также варианты ревитализации городских руин и дальнейшего использования заброшенных зданий, наполняя их новыми смыслами с подтекстом прошлого [Göbel, 2014]. Если появление руин соотносится с негативными обстоятельствами, то их можно рассматривать в качестве элемента коллективной памяти об определенном трагическом событии в истории местности, региона, государства [Le Blanc, 2010: 253–266]. Пик восприятия руин как символов культурной травмы приходится на вторую половину XX века [Аникин, 2021: 348–357]. Рост внимания к культурной травме возник с увеличением числа военных конфликтов, в процессе создания новых национальных государств. В ряде случаев руины появляются не в результате прямого сноса здания, а в результате отсутствия экономических ресурсов, которые можно использовать для эксплуатации здания.

Отметим, что символизация культурной травмы соседствует с эстетизацией руин, а иногда и активно замещается ею. В сознании ностальгирующих руины воспринимаются как образ культурной, духовной и интеллектуальной деградации (стагнации) общества на фоне прошлого, особенно если появление руин связано с трагичными для местности, региона или государства событиями [Абрамов, 2012]. Руины активно используются как источники вдохновения при создании постапокалиптических пространств в компьютерных играх и фильмах, поскольку они отражают невозможность человека противостоять природе или же собственным технологиям, разрушительный потенциал которых сравним с природными катаклизмами. Используя руины как основу произведений, создатели указывают на то, что даже процесс умирания имеет в себе аспекты эстетического, и тем самым может помочь справиться со страхом личной смерти и исчезновения человечества. Например, руинами вдохновлена игра «Death Stranding» [Green, 2022: 1–12] и ряд объектов культуры². Кроме того, эстетизация руин может выступать в качестве элемента самоидентификации. Яркий пример — появление «думеров», этим понятием обозначается неформальная группа любителей восточноевропейского постпанка и советской архитектуры, включая руины. Движение стало популярным в период с 2018 по 2020 год [Курихин, 2021: 126–132].

Благодаря цифровизации появился феномен виртуальных руин, под которыми понимаются заброшенные здания в играх, кино. В рамках медиапроизведений руины выполняют эстетическую функцию (то есть делают мир привлекательным для потребителя медиаконтента), эмоциональную (благодаря

¹ Digitalisation of Gede Ruins // African Digital Heritage. 2022. URL: <https://africandigitalheritage.org/digitisation-of-gede-ruins> (дата обращения: 05.04.2023).

² Megaliths in the Bath House Ruins // Awesome Inventions. 2019. URL: <https://www.awesomeinventions.com/the-megaliths-in-the-bath-house-ruins/> (дата обращения: 05.04.2023).

им игрок или зритель ощущает пространство произведения более живым, реальным), гносеологическую (людям интересно исследовать пространство и делать предположения по поводу формирования мира произведения; кроме того, часто творческие работы предполагают выход за рамки действительности за счет демонстрации вымышленных вселенных) и символическую (так как репрезентируют определенный этап развития вымышленной вселенной или реального мира, помещенного в пространство произведения) [Lenkevich, 2022].

Таким образом, эстетизация руины является важным свойством, отражающим ее популярность и символическую значимость. В ряде случаев руина эстетизируется из-за того, что она используется как локация для демонстрации различных видов искусства, наиболее распространенным из которых является граффити. Благодаря этому многие руины притягивают к себе художников и других представителей искусства, в результате чего руина может стать туристическим объектом и обрести вторую жизнь.

Руина кинотеатра «Энтузиаст» в Москве (Мария Сененко)

Кинотеатр «Энтузиаст» располагается в парке «Вешняки» и долгое время был на пути по одному из моих рутинных маршрутов (Рис. 1). То, что регулярно попадает на глаза, рано или поздно вызывает исследовательский интерес. На примере руины кинотеатра «Энтузиаст» я поделюсь своим опытом, как обыденные наблюдения трансформируются в социологические.

Рисунок 1. Кинотеатр «Энтузиаст».

Источник: группа «ВКонтакте», посвященная кинотеатру (май 2015 г.).

1. История кинотеатра: от постройки к руинизации

Руина — «музей одного здания», хранилище истории прошлого, интересное нам не только своим нынешним обликом, но и своей «прошлой жизнью». Поэтому важно навести исторические справки об изучаемом объекте. Кинотеатр «Энтузиаст» был построен в 1977 году по авторскому проекту и представлял собой здание в стиле советского модернизма. Он пережил тяжелые 1990-е годы и в 2003 был реконструирован: в кинотеатре появился малый зал, оборудованный акустическими и кинопроекторными технологиями, бильярдный клуб, игровые автоматы, столы для настольного тенниса, дартс и кафе. В том периоде времени это был крупный развлекательный комплекс, однако несколько лет спустя с кинотеатром стали происходить юридические метаморфозы, в которых непросто разобраться: сначала в нем расположился ГУК «Театр Иллюзии», который по сей день отмечен на онлайн-картах как организация, находящаяся в кинотеатре «Энтузиаст». Позже театр съехал, а здание в реестрах было отмечено пустующим и отдано под другой проект, который, в свою очередь, так и не был реализован. В 2016 году, за год до 40-летнего юбилея здания, кинотеатр забросили¹. Спустя еще пять лет, в 2021 году, было запланировано создать досуговый центр по адресу кинотеатра². Однако на момент моих наблюдений (декабрь 2022 года) никаких изменений с заброшенным зданием не произошло (Рис. 2).

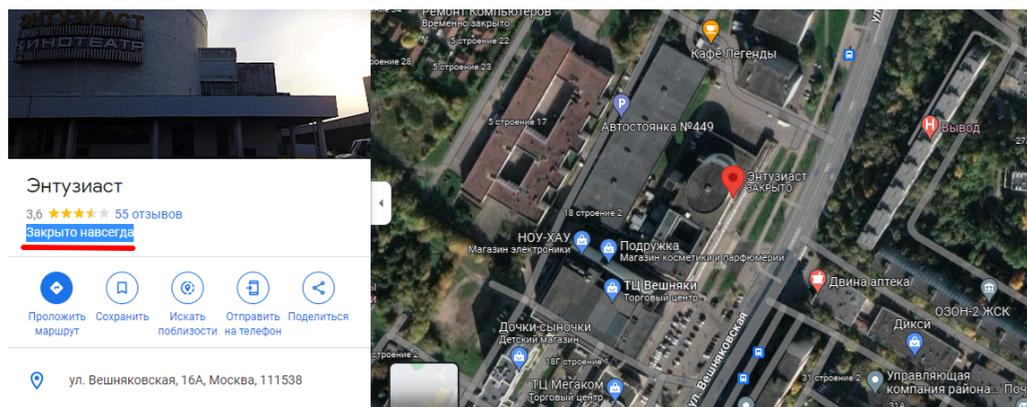

Рисунок 2. Скриншот с Google-карт и неутешительная надпись «Закрывается навсегда», коллаж автора.
Источник: Google-карты.

2. Люди, знакомые с руиной

Пусть и не глубинное интервью, но простой разговор с человеком, знакомым с руиной лучше нас, может помочь навести первые справки и получить впечатление о ней, которое впоследствии можно сравнить с нашим

¹ Москва. Сохраним киноконцертный зал Энтузиаст! // КПРОФ. 2021. URL: <https://kprf.ru/party-live/regnews/204737.html> (дата обращения: 06.02.2023).

² На месте кинотеатра «Энтузиаст» в Москве планируют открыть досуговый центр // ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/moskva/12225403> (дата обращения: 06.02.2023).

собственным. Перед тем как посетить руину, я поговорила с подругой, которая часто проходит мимо этого здания. Она рассказала, что в поздние безоблачные вечера с открытой площадки в центре заброшенного кинотеатра можно смотреть на невероятное звездное небо. Романтизация и эстетизация руин — не новый и модный интернет-тренд. Такой взгляд на заброшенные и полуразрушенные здания излагал Георг Зиммель: «Руина же означает, что в исчезнувшее и разрушенное произведение искусства выросли другие силы и формы, силы и формы природы, и из того, что еще осталось в ней от искусства, и из того, что уже есть в ней от природы, возникла новая целостность, характерное единство» [Зиммель, 1996: 127].

Вдохновившись таким позитивным подходом, я отправилась к «Энтузиасту». Однако там меня ждало разочарование — наверное, дело в том, что я посетила руину при дневном свете и звезд не наблюдала. Находиться там было по-настоящему страшно. При первом приближении к руине довольно осторожного автора этих строк не покидало ощущение, что она ввязывается в сомнительную авантюру, которая может обернуться против нее. Признаю, что не развернуться назад, а сделать шаг навстречу, стоя перед кинотеатром, стоило усилий. Руина отнюдь не приветлива. Самое точное описание ощущения моей роли в этом месте — непрошенный гость, которому не стоило бы ступать на порог. Обойти руину со всех сторон и попробовать заглянуть внутрь меня заставлял лишь исследовательский интерес и уже проделанный путь.

Отмечу, что здание заброшенного кинотеатра, с одной стороны, должно было бы резко выделяться среди других своей беспризорностью: слева от него располагается остекленный торговый центр (в прошлом — типовой блочный универмаг, построенный в 1985 году, см. Рис. 3), справа — совсем новый футуристический скейтпарк и ухоженная аллея.

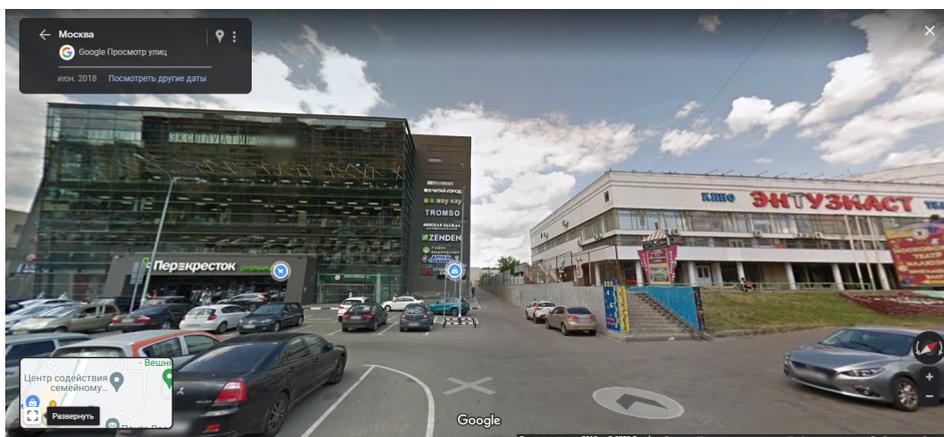

Рисунок 3. ТЦ «Вешняки», расположенный слева от кинотеатра, по состоянию на июнь 2018 года.

Источник: Google-карты.

Но, с другой стороны, здание кинотеатра настолько невзрачно по сравнению со своими «соседями», что не сразу осознаешь, что только что прошел мимо трехэтажного здания, а не просто пустыря — за него не цепляется взгляд (ни один из прохожих при дневном наблюдении и не взглянул в сторону руины).

3. Детальное описание наблюдений

К моменту описания самой руины нами уже был проделан большой путь: мы имеем представление о ее истории, изучили ее окружение, сравнили собственное первое впечатление о ней с впечатлением ее «давнего знакомого». Время переходить к самой волнительной части этого свидания. Список вопросов, на которые можно попробовать ответить при непосредственном наблюдении за руиной, безусловно, может варьироваться в зависимости от задач исследования. Я приведу те, которые помогли собрать более полную картину:

- Как руина выглядит с переднего фасада (обращенного к дороге)?
- Есть ли знаки, указывающее на ее назначение в «прошлой жизни»?
- Что мы увидим с других сторон, если ее обойти? Разнятся ли впечатления с передним фасадом?
- Как руина уживается с природой? Есть ли вокруг и внутри нее растения?
- Обитаема ли руина? Кем и почему?

Таким кинотеатр мы видим сегодня. Буквы в названии «Энтузиаст» отпали (или были намеренно сняты) с фасада, остались лишь их нечеткие очертания: название можно прочитать, только внимательно присмотревшись (см. Рис. 4).

Рисунок 4. Кинотеатр «Энтузиаст». Декабрь 2022 года.
Источник: фото М. С. Сененко.

Это наблюдение кажется метафорой общего впечатления от самой руины: несмотря на относительную «новизну», она уже не мыслится локальными жителями как функционирующее здание, ее эфемерное присутствие остается разве что в подсознании [Каледина 2021; Рудь 2019]. Плитка вокруг кинотеатра сместилась — где-то провалилась, где-то вздулась, наружу прорвалась трава (Рис. 5). По Зиммелю, разрушение совершается природой, но оно есть следствие запущения человеком [Зиммель, 1996].

Рисунок 5. Кинотеатр «Энтузиаст». Детали. Декабрь 2022.
Источник: фото М. С. Сененко.

Бетонные ступени, ведущие ко входу, потрескались и покосились, краска на них облезла (по словам местной жительницы, с которой мне удалось побеседовать, ступени красили в 2021 году, однако краска не пережила зиму). Вокруг много мусора, еще совсем «свежего», битых бутылок, свидетельствующих о том, что внешнюю территорию кинотеатра облюбовали маргинальные группы или же лица без определенного места жительства. По неосторожности можно наступить на кучи битого стекла — очевидно, осколки когда-то были окнами кинотеатра, которые теперь закрыты плотным материалом. Некогда бывший «третьим местом» района [Ольденбург, 2014], любимым всеми возрастами, «Энтузиаст» теперь опасен, особенно для детей, которые, руководствуясь любопытством, а отнюдь не правилами безопасности, могут пораниться или получить травмы, играя здесь. Территория кинотеатра не огорожена забором или предупреждающими лентами, а значит, на нее легко можно проникнуть.

На дверях висят замки, наружные лестницы перекрыты. Фасад и поддерживающие его колонны утопают в разноцветных граффити, хоть как-то разбавляющих ощущение серости и уныния, навеваемое некогда оживленным,

а теперь одиноким и никому не нужным кинотеатром. Следовало бы ожидать, что в здании, все же твердо стоящем на своем фундаменте и защищенном от ветра и холода, должен кто-то обитать, однако внутри оно пусто — неинтересное даже животным.

Во внутреннем дворе кинотеатра до сих пор висят указатели, ведущие к кассам и залам, и афиши — «Маленькие для маленьких» и «Московское шоу зверей». До них не добрались стрит-арт-художники — слишком высоко. Плакаты, эти своеобразные артефакты, сохранились практически полностью — лишь выцвела краска из-за их нахождения на открытом пространстве.

Как я упомянула выше, около кинотеатра мне удалось пообщаться с местной жительницей. Женщина приняла меня за журналистку. О. Запорожец приводит суждение, что социологу лучше всего «сыграть» роль туриста — она вполне объяснит интерес к району и не вызовет подозрений или недоверия [Запорожец, 2007]. В ходе нашего разговора я убедилась, что при обследовании руин и заброшенных зданий подходит роль журналиста или корреспондента. В моем случае местная жительница выразила надежду на освещение проблемы с заброшенным кинотеатром в СМИ для его последующего восстановления. «Энтузиаст» для нее — место памяти [Стрельникова, 2012: 231–238]. Моя информантка рассказала, что много лет назад, еще живя в другом районе, она часто посещала этот кинотеатр со своей семьей. По ее словам, кинотеатр «чудесный, невероятный», некогда был одним из любимейших у москвичей: «Люди приезжали сюда со всех районов города всей семьей». Я задала вопрос, поддерживает ли кто-то порядок в здании. На это женщина рассказала, что в прошлом году перед кинотеатром закрасили граффити на ступенях — но спустя год это совсем не заметно.

На мой взгляд, перспективы у «Энтузиаста» неутешительные — район активно обрастает новыми торговыми центрами и общественными площадками, и рано или поздно эта земля заинтересует застройщиков — здесь может вырасти жилой дом-«свечка» или новый торговый центр. Цифровизация кинотеатров и рост онлайн-рынка диктуют новые условия жизни для офлайн-сегмента: восстанавливать кинотеатр попросту нерационально, о чем свидетельствует неутешительная статистика закрывшихся или остановивших показ московских кинотеатров в 2022 году¹. Однако вероятен и более благоприятный исход — редевелопмент и реализация идеи превращения недействующего кинотеатра в досуговый центр, где дети и подростки могли бы посещать кружки, интересные лекции и спортивные секции. К сожалению, пока что «Энтузиаст» представляет угрозу для своих посетителей — в частности, тех же детей и подростков, известных своей любовью к заброшенным зданиям.

Архитектурный стиль «Энтузиаста», все же читаемый, несмотря на его обветшалость, представляет собой особую культурную ценность ушедшей советской эпохи.

¹ В России закрыли 125 кинотеатров в 2022 году // Чемпионат. 2022. URL: <https://www.championat.com/cybersport/news-4819695-v-rossii-zakryli-125-kinoteatrov-v-2022-godu.html> (дата обращения: 06.02.2023).

Руина недостроенного военного городка «Ольгино» в Санкт-Петербурге (Дмитрий Поликарпов, Светлана Пустовалова)

Недостроенный военный городок, находящийся в Приморском районе Санкт-Петербурга рядом с поселком Ольгино, имеет одноименное название — «Ольгино», под которым известен и как полигон для страйкбола. Наше посещение этого места отчасти было вызвано исследовательским любопытством: при онлайн-поиске интересных мест в этом районе неожиданно оказалось, что эти руины имеют большое число положительных отзывов.

Охраны у данного места не оказалось, поэтому мы спокойно смогли попасть на территорию. Ближайшие жилые дома отделены дорогой как своеобразной символической преградой.

1. Эстетика и травма

Руина в Ольгино размечена граффити как в виде больших композиций, так и в виде небольших надписей, понятных только посвященным. Обращает на себя внимание карикатурный образ капиталиста-всадника верхом на кабане, снаряженного различными предметами-символами: игла, оружие, деньги, орудия труда, весы (Рис. 6).

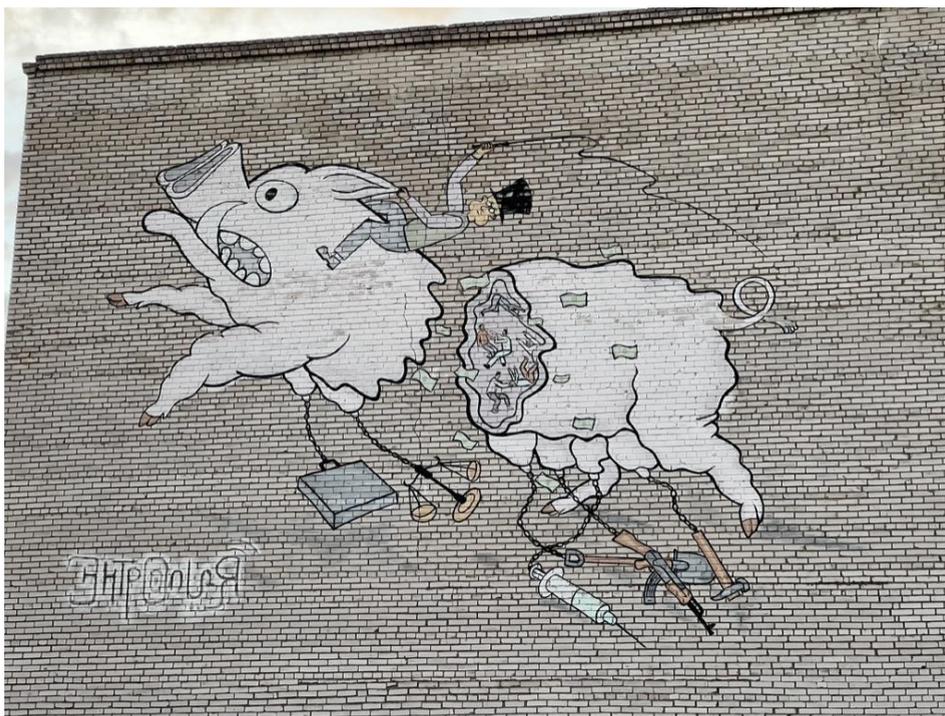

Рисунок 6. Граффити. Изображение, подписанное анонимными художниками. Возможно, автор (индивид, группа) — «Энтропия». Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

Одной из возможных трактовок смысла данного граффити является презентация негативного отношения к капитализму, так как шляпы-футляры и деловой костюм часто фигурируют в карикатурах в качестве атрибутов богатых собственников, а кабан является символом денег, стремительности и ярости в большинстве европейских культур. Можно предположить, что автор хотел показать свое критическое отношение к капиталистическому контролю над основными сферами производства.

Вдохновляясь образами руин, представители различных субкультур стремятся переосмыслить отношение людей к миру и предостеречь от использования опасных технологий. Например, в руинах Ольгино мы обнаружили знак «SCP база» (Рис. 7). SCP — это международная вымышленная организация («Обезопасить. Удержать. Защитить, или же Особые условия содержания») [Roca, 2021: 29]. Название структура получила в честь одноименной интернет-истории про тайное общество, защищающее некий опасный для обывателей объект. Согласно легенде проекта, Фонд защищает рядовых граждан, изучает подозрительные объекты, высылая для ознакомления с ними мобильные оперативные группы, и затем создает инструкции для их безопасного использования. Под объектами Фонда обозначаются аномалии реального мира, включая одушевленные и неодушевленные объекты, которые затем переводятся в виде текстовой заметки в крупную базу данных. В реальном мире объекты не представляют никакой угрозы, но с помощью цифровых технологий люди создают истории, которые должны напугать других, и таким образом это становится частью городского фольклора. Данный проект пользуется популярностью у пользователей со всего мира, которые могут поучаствовать в проекте, если их статья пройдет модерацию. Так как на стене здания в военном городке указано, что данная территория является объектом базы SCP, следовательно, о данной руине сложена городская легенда и распространена в сообществе тех, кто вовлечен в проект SCP.

Рисунок 7. Граффити. Логотип вымышленной организации.
Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

Руина в военном городке выступает в качестве символа культурной травмы, так как она появилась в результате распада СССР. Строительство военного городка на данной территории перестало быть актуальным, требовало значительных экономических ресурсов, которые в процессе последней стадии развития советского государства истощались. Таким образом, руина стала памятником, отражающим архитектурный стиль эпохи перестройки, а также символом распада государства. Именно поэтому руины городка использовались некоторыми субкультурами, например страйкболистами, предпочитающими ролевые игры, то есть те, в которых есть определенный контекст происходящего, а сами роли либо базируются на художественном произведении, либо вдохновляются выбранной эпохой. Руина городка выступала площадкой для игр, посвященных советской эпохе 1980-х годов.

Кроме того, руина отражает конкуренцию среди неформальных сообществ страйкболистов, поскольку, как нам удалось выяснить, ранее Ольгино было одним из наиболее часто используемых для страйкбола полигонов в Санкт-Петербурге. С ростом посещаемости данной площадки посторонними (в том числе «конкурентами» — хардболистами) страйкболисты стали отдавать предпочтение иным площадкам, поскольку появились специализированные площадки для занятия страйкболом, а также расширилось количество иных доступных заброшенных зданий. Тем не менее площадка закрепила за собой статус символа начального этапа развития страйкбола в Санкт-Петербурге¹.

Особенностью рассматриваемой руины является разрушение большинства зданий до фундамента. В весенне-летний период на территории (в том числе и в фундаменте) растут деревья и образуются пруды, в результате чего площадка теряет большинство своих функциональных возможностей (Рис. 8, 9). От ряда построек также сохранились разбросанные кирпичи. Можно сказать, что у руин имеется сезонный цикл по истечении которого они теряют функционал.

2. Люди, знакомые с руиной

На примере руины в «Ольгино» можно увидеть, что ее используют сразу несколько неформальных групп. Во-первых, это авторы стрит-арта. Граффити на здании, вероятно, было сделано группой людей, так как для создания изображения на такой высоте требуется техника — страховочные средства и др. Также данная руина объединяет фотографов, специализирующихся на архитектурной тематике², волонтеров-реставраторов и любителей эстетики заброшенных сооружений³, исследователей заброшенных зданий (сталкеров, постпаломников, руферов, диггеров) и уже упомянутых ранее страйкболистов и хардболистов.

Мы предполагаем, что перечисленные категории людей, заинтересованных в посещении руин, можно обнаружить и при рассмотрении других примеров заброшенных зданий. Одним из основных мотивов посетителей руин мы предполагаем стремление получить яркие эмоции за счет соприкосновения с тем,

¹ Страйкбол СПб / полигон Ольгино // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/airsotfopen> (дата обращения: 05.04.2023).

² RR: ruin_renewal_squad // Telegram. URL: <https://t.me/ruinrenewal> (дата обращения: 05.04.2023).

³ Хранители руин // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/ruin.keepers> (дата обращения: 05.04.2023).

Рисунок 8. Пруд на месте наблюдения (руины в «Ольгино»).
Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

Рисунок 9. Изображение уцелевшего здания.
Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

что ассоциируется с разрушением, а порой и с опасностью [Тимофеева, 2018]. Например, в сообществах «Тени Прошлого»¹ в социальной сети «ВКонтакте» и «Заброшки России»² в «Телеграме» люди, называющие себя сталкерами, делятся фотографиями и впечатлениями от своих прогулок по заброшенным зданиям. Оба сообщества включают в себя постпаломников, то есть людей, интересующихся заброшенными культовыми зданиями. Также в ходе изучения темы мы обнаружили группы людей, заинтересованных в заброшенных зданиях: например, диггеры (увлеченные руинами подземных построек³, руферы (интересующиеся крышами зданий)⁴. Еще один мотив может быть связан с тем, что появление деревьев, травы, животных на месте руин способствует преодолению у людей страха смерти, поскольку это воспринимается как символ победы природы и, соответственно, живого над тем, что ощущается мертвым и искусственным, то есть над руинами, а следовательно — победы жизни над смертью [Зиммель, 1996: 227–231].

Вместо заключения. Особенности полевого наблюдения городских руин: подготовка к встрече с неизвестным

Мы обнаружили некоторые различия в функциях и свойствах изученных нами руин. В городском пространстве руины кинотеатра «Энтузиаст» незаметны, есть лишь минимальные следы ее использования (в качестве площадки для граффити и места для распития различных напитков). Напротив, руина военного городка оказалась многофункциональной и востребованной представителями различных социальных групп: руина выступает в качестве творческой площадки для современного искусства, самопрезентации индивидов, площадки для объединения субкультуры страйкболистов, использующих руину для рекреационных целей. Посетители данной руины представляют собой микросообщества по интересам, основным из которых является стремление получить новые эмоции в заброшенном и в ряде случаев опасном пространстве. Причины выявленных различий в функционале руин требуют дальнейшего анализа.

Как мы убедились на своем опыте, полевое исследование городских руин имеет свои особенности. Приведем несколько предупреждающих рекомендаций для других исследователей, которые, возможно, захотят повторить опыт наблюдения за руиной. Такое наблюдение не похоже на прогулку, поэтому всегда помните об осторожности.

1. Необходимо произвести предварительную разведку и найти данные о безопасности здания: когда оно было построено, находится ли в аварийном состоянии, есть ли опасность обрушения. Определите, на каком расстоянии от руины безопасно находиться.

¹ Тени прошлого // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/shadowsotp> (дата обращения: 05.04.2023).

² Заброшки России // ВКонтакте. URL: https://t.me/zabroshki_rossii (дата обращения: 05.04.2023).

³ Диггеры и сталкеры Санкт-Петербурга // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/spbstalkerclub> (дата обращения: 05.04.2023).

⁴ Открытые крыши // ВКонтакте. URL: https://m.vk.com/wall-153782144_12206 (дата обращения: 05.04.2023).

2. Приготовьте инвентарь и экипировку: зарядите мобильный телефон, камеру, фонарик, записывающее устройство (если вы ведете аудиодневник наблюдения или собираетесь брать интервью у местных жителей или посетителей руины). Наденьте удобную одежду и прочную обувь, возьмите с собой питьевую воду. Сообщите родным, знакомым или коллегам, куда отправляетесь.
3. Необходимо соблюдать предельную осторожность: смотреть под ноги, прислушиваться к посторонним звукам — это может предотвратить травмы и необратимые последствия. Руины могут быть обитаемы — людьми или бродячими животными. Заранее подготовьте себя к возможной встрече с ними.

Мы надеемся, что наш опыт вдохновит новых исследователей и поможет увидеть в других руинах отражение эстетических вкусов, символику прошлого и особый набор черт, притягивающих различные субкультуры.

Литература

- Абрамов Р. Н.* Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23. EDN: [PUQRQZ](#)
- Аникин Д. А.* Руины прошлого: визуализация культурной травмы как социальный феномен // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 1. С. 348–357. DOI: <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.025> EDN: [FGEQXX](#)
- Запорожец О. Н.* Визуальная социология: контуры подхода // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. Т. 3. № 4. С. 33–43. EDN: [VKBVLZ](#)
- Зенкин С. Н.* Французский романтизм и идея культуры. М.: РГГУ, 2001.
- Зиммель Г.* Избранное. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.
- Каледина А. С.* Эстетические факторы влияния заброшенных зданий на человека // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2021. С. 362–364.
- Курихин А. А.* Постсоветская урбанистическая архитектура в современной интернет-культуре и актуальном искусстве как метафора невозможности избавиться от влияния предыдущих культурных парадигм // Медиафера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве: сборник научных статей. М.: Могилевский институт МВД, 2021. С. 126–132.
- Масленников А. А., Тесленок С. А.* Классификация, характеристика и картографирование заброшенных военных городков // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1. С. 72–76. EDN: [NGZDWI](#)
- Обухова И. Ф.* У истоков изучения готической архитектуры: Жак-Жермен Суффло и коллегиальная церковь Богоматери в Мант-ла-Жоли // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 126. № 2. С. 182–189. EDN: [SGOZBZ](#)
- Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Полухина Е. В., Стрельникова А. В., Ваньке А. В.* «Визуальный дневник»: как фотоданные репрезентируют контекст полевого исследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 96–117. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6> EDN: [EYXFX Y](#)
- Рудь Д. С.* Конструирование локальной памяти о городском пространстве: анализ мнемонических интернет-сообщений о районе Шаболовки // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 18. С. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.3>
- Стрельникова А. В., Ваньке А. В.* Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 13. С. 51–72. EDN: [ZHATQH](#)

Стрельникова А. В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012. EDN: [RBDXXR](#)

Тимофеева С. О. Архитектурные руины как объект туризма // Туризм: технологии & тренды. Е.: Издательство Уральского университета, 2018. С. 229–235.

Шёнле А. Архитектура забвения: Руины и историческое сознание в современной России / Пер. с англ. А. Степановой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Blanc A. The Conservation of Traumatic Urban Ruins: An Ambiguous Marker of Urban History // L'Espace géographique. 2010. Vol. 39. № 3. P. 253–266.

Davoine C. Les Ruines Contre La Ville: L'idéal Urbain à L'épreuve Des Destructiоns Dans Le Monde Romain // Histoire urbaine. 2019. Vol. 58. № 2. P. 15–28.

Green A. M. Longing, Ruin, and Connection in Hideo Kojima's Death Stranding. Milton Park: Routledge, 2022.

Göbel H. K. The Re-Use of Urban Ruins: Atmospheric Inquiries of the City. New York: Routledge, 2014. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315756455>

Lenkevich A. S. Low-level Eschatology: Ruins in Computer Games // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Vol. 4. № 3. P. 134–156. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i3.317>

Martin D. Introduction: Towards a Political Understanding of New Ruins // International Journal of Urban and Regional Research. 2014. Vol. 38. № 3. P. 1037–1046. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12116>

Murchadha F. Ó. Being as Ruination: Heidegger, Simmel, and the Phenomenology of Ruins // Philosophy Today. 2002. Vol. 46. P. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.5840/philtoday200246Supplement2>

Roca A. G. The SCP Foundation's Role in the Development of Academic Literacy and the Promotion of Reading and Creative Writing // Enero-junio. 2021. Vol. 51. № 1. P. 29–42. DOI: <https://doi.org/10.30827/publicaciones.v51i1.16488>

Stanford C. On Preserving our Ruins // Journal of Architectural Conservation. 2000. Vol. 6. № 3. P. 28–43. DOI: <https://doi.org/10.1080/13556207.2000.10785278>

Tucci G. New Technologies for Surveying Building Ruins // CIPA 2009 XXII International Symposium, Digital Documentation, Interpretation & Presentation of Cultural Heritage. Kyoto: Yutaka Takase, 2009.

Сведения об авторах:

Поликарпов Дмитрий Сергеевич — магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** polikarpov25@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [1178413](#); **ORCID ID:** [0000-0001-7287-8443](#).

Пустовалова Светлана Юрьевна — магистрант, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** chbrngr@gmail.com. **ORCID ID:** [0000-0002-8325-1109](#).

Сененко Мария Сергеевна — бакалавр, Государственный университет управления, Москва, Россия. **E-mail:** msenenko@icloud.com.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

БАК: 5.4.6

Urban Ruins: Visuality of Social Meanings

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.6

- Dmitrij S. Polikarpov** HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: polikarpov25@gmail.com
- Svetlana Yu. Pustovalova** ITMO University, St. Petersburg, Russia
E-mail: syupustovalova1@gmail.com
- Mariya S. Senenko** The State University of Management, Moscow, Russia
E-mail: msenenko@icloud.com

Architectural ruins in the context of the urban landscape carry many meanings and functions: they reflect changes in fashion, security, cultural values, and show the peculiar struggle of urbanization and the “recapture” of abandoned places by plants and animals. The article offers an analysis of the perception of architectural ruins in modern urban everyday life. Conceptualization is built through such functions and properties of urban ruins as providing a symbolic refuge for representatives of certain groups and symbolizing cultural trauma, i.e. trauma of a social group bound by a common culture and solidarity. Based on the observations, the authors describe two cases: the ruins of the unfinished military camp “Olgino” in St. Petersburg and the ruins of the “Enthusiast” cinema in Moscow. Some recommendations are provided for researchers interested in studying urban ruins.

Keywords: ruins; sociology of architecture; informal groups; aestheticization; cultural trauma

References

- Abramov R.N. (2012) Vremya i prostranstvo nostalgii [Time and Space of Nostalgia]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 5–23. (In Russ.)
- Anikin D.A. (2021) Ruiny proshlogo: vizualizaciya kulturnoj travmy kak socialnyj fenomen [The Ruins of the Past: Visualization of Cultural Trauma as a Social Phenomenon]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Russian Christian Academy for the Humanities]. Vol. 22. No. 1. P. 348–357. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.025>
- Blanc A. (2010) The Conservation of Traumatic Urban Ruins: An Ambiguous Marker of Urban History. *L'Espace géographique*. Vol. 39. No. 3. P. 253–266.
- Davoine C. (2019) Les Ruines Contre La Ville: L'idéal Urbain à L'épreuve Des Destructures Dans Le Monde Romain. *Histoire Urbaine*. Vol. 58. No. 2. P. 15–28.
- Green A.M. (2022) *Longing, Ruin, and Connection in Hideo Kojima's Death Stranding*. Milton Park: Routledge.
- Göbel H.K. (2014) *The Re-Use of Urban Ruins: Atmospheric Inquiries of the City*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315756455>
- Kaledina A.S. (2021) Esteticheskie faktory vliyaniya zabroshennykh zdaniy na cheloveka [Aesthetic Factors of Influence of Abandoned Buildings on Human]. *Nauka, obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie* [Science, Education and Experimental Design]. P. 362–364. (In Russ.)
- Kurihin A.A. (2021) Postsovetskaya urbanisticheskaya arhitektura v sovremennoj internet-kulture i aktualnom iskusstve kak metafora nevozmozhnosti izbavitsya ot vliyaniya predydushhih kulturnykh paradigam [Post-Soviet Urban Architecture in Modern Internet Culture and Contemporary Art as a Metaphor for the Impossibility of Getting Rid of the Influence of Previous Cultural Paradigms].

Mediasfera i mediaobrazovanie: specifika vzaimodejstviya v sovremennom sociokul'turnom prostranstve: sbornik nauchnyx statej [Media Sphere and Media Education: Specifics of Interaction in the Modern Socio-Cultural Space: Collection of Scientific Articles]. Mogilev: Mogilev Institute of the MIA. P. 126–132. (In Russ.)

Lenkevich A. S. (2022) Low-level Eschatology: Ruins in Computer Games. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 4. No. 3. P. 134–156. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i3.317>

Martin D. (2014) Introduction: Towards a Political Understanding of New Ruins. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 38. No. 3. P. 1037–1046. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12116>

Maslennikov A. A., Teslenok S. A. (2020) Klassifikaciya, karakteristika i kartografirovaniye zabroshennykh voennykh gorodkov [Classification, Characterization, and Mapping of Abandoned Military Towns]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i socialno-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences]. No. S1. P. 72–76. (In Russ.)

Murchadha F. Ó. (2002) Being as Ruination: Heidegger, Simmel, and the Phenomenology of Ruins. *Philosophy Today*. Vol. 46. P. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.5840/philtoday200246Supplement2>

Obukhova I. F. (2014) U istokov izucheniya goticheskoy arhitektury: Zhak-Zhermen Sufflo i kollegialnaya cerkov Bogomateri v Mant-la-Zholi [At the Origin of the Study of Gothic Architecture: Jacques-Germain Soufflot and The Church of the Our Lady in Mante-la-Jollie]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture]. Vol. 126. No. 2. P. 182–189. (In Russ.)

Oldenburg R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshhestva* [Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons and Other Places of "Hangouts" as the Foundation of the Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Polukhina E. V., Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2020) "Vizualnyj dnevnik": kak fotodannye reprezentiruyut kontekst polevogo issledovaniya [Visual Diary: How Photos Represent the Context of Field Research]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 96–117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>

Roca A. G. (2021) The SCP Foundation's Role in the Development of Academic Literacy and the Promotion of Reading and Creative Writing. *Enero-junio*. Vol. 51. No. 1. P. 29–42. DOI: <https://doi.org/10.30827/publicaciones.v51i1.16488>

Rud D. S. (2019) Konstruirovaniye lokalnoj pamyati o gorodskom prostranstve: analiz mnemonicheskikh internet-soobshhenij o rajone Shabolovki [Memory Construction of the Local Space: Analysis of Mnemonic Online Messages on Shabolovka District]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 11. No. 18. P. 34–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.3>

Shtompka P. (2001) Socialnoe izmeneniye kak travma (statya pervaya) [Social Change as a Trauma (Article One)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 6–16. (In Russ.)

Shyonle A. (2018) *Arhitektura zabveniya: Ruiny i istoricheskoe soznanie v modernoj Rossii* [The Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia]. Transl. from Eng. by A. Stepanova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Simmel G. (1996) *Izbrannoe. Sozercanie zhizni* [Selected Works. Contemplation of Life]. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Stanford C. (2000) On Preserving our Ruins. *Journal of Architectural Conservation*. Vol. 6. No. 3. P. 28–43. DOI: <https://doi.org/10.1080/13556207.2000.10785278>

Strelnikova A. V. (2012) *Sociologiya goroda: prostranstvennye praktiki i zhiznennyye traektorii* [Urban Sociology: Spatial Practices and Life Trajectories]. Moscow: Trovant. (In Russ.)

Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2017) Polevoe issledovaniye industrialnogo rajona: strategii sbora i analiza vizualnykh dannykh [Field Research of an Industrial Neighborhood: the Strategies of Visual

Data Collection and Analysis]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 9. No. 13. P. 51–72. (In Russ.)

Timofeeva S.O. (2018) Arhitekturnye ruiny kak obekt turizma [Architectural Ruins as Tourism Resource]. *Turizm: tekhnologii & trendy* [Tourism: Technologies & Trends]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. P. 229–235. (In Russ.)

Tucci G. (2009) New Technologies for Surveying Building Ruins. In: *CIPA 2009 XXII International Symposium, Digital Documentation, Interpretation & Presentation of Cultural Heritage*. Kyoto: Yutaka Takase.

Zaporozhets O.N. (2007) Vizualnaya sociologiya: kontury podhoda [Visual Sociology: Contours of the Approach]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 3. No. 4. P. 33–44. (In Russ.)

Zenkin S.N. (2001) *Francuzskij romantizm i ideya kul'tury* [French Romanticism and the Idea of Culture]. Moscow: RGGU. (In Russ.)

Authors bio:

Dmitrij S. Polikarpov — Master Student, HSE University, Saint-Petersburg, Russia. **E-mail:** polikarpov25@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1178413; **ORCID ID:** 0000-0001-7287-8443.

Svetlana Yu. Pustovalova — Master Student, ITMO University, Saint-Petersburg, Russia. **E-mail:** chbrngr@gmail.com. **ORCID ID:** 0000-0002-8325-1109.

Mariya S. Senenko — Bachelor in Sociology, The State University of Management, Moscow, Russia. **E-mail:** msenenko@icloud.com.

Received: 16.02.2023

Accepted: 10.09.2023

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2023. Том 15. № 3. Дата выхода в свет 30.09.2023.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com